

Владимир Колганов

ЗАГАДОЧНАЯ РУСЬ

от Рюрика до Путина

12+

Владимир Колганов

**Загадочная Русь: от
Рюрика до Путина**

«Автор»

2020

Колганов В. А.

Загадочная Русь: от Рюрика до Путина / В. А. Колганов —
«Автор», 2020

ISBN 978-5-532-06326-6

История России до сих пор таит в себе множество загадок. Довольно часто широкой публике вместо обоснованных гипотез предлагаются теории, основанные на ложной интерпретации известных фактов. В этой книге предпринята попытка разобраться в том, что происходило в критические, поворотные моменты истории России со времён легендарного Рюрика до наших дней. Автору удалось объяснить многие политические решения, принятые руководством государства. В списке использованных материалов более ста восьмидесяти ссылок. Обложка оформлена автором, фотография Земли существенно переработана.

ISBN 978-5-532-06326-6

© Колганов В. А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Часть 1. От городища до империи	5
Глава 1. Древнерусские летописи	5
Глава 2. Неизвестный по имени Рюрик	9
Глава 3. «Исконно-русские» версии	13
Глава 4. Южно-балтийская версия	18
Глава 5. Хакан русов	21
Глава 6. Ладожская версия	24
Глава 7. Поход на Константинополь в 860 году	28
Глава 8. Приазовская версия	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Владимир Колганов

Загадочная Русь: от Рюрика до Путина

Часть 1. От городища до империи

Глава 1. Древнерусские летописи

Когда читаешь работы историков, посвященные возникновению русского государства, возникает вполне логичный вопрос: почему за триста лет они так и не смогли прийти к единому мнению и продолжают спорить, пытаясь опровергнуть аргументы оппонентов? Основная причина заключается в скудости наших знаний о событиях IX века, однако установлению истины мешает и неоднозначная, иногда тенденциозная интерпретация тех немногих сведений, которые мы находим в летописных источниках IX-XII вв.

К сожалению, русские летописи не могут служить надёжным основанием для построения гипотезы происхождения Руси. Легенда о Кие, основателе Киева, а также рассказ о призвании варягов годятся только для учебника начальных классов школы. Наверняка эти тексты писались по заказу князей и церковных иерархов, поэтому нередко факты приукрашивались или искажались с учётом политических интересов правящей элиты.

И всё же для большинства исследователей истории древней Руси исходным документом, с чтения которого начинается построение гипотез, стала «Повесть временных лет» (ПВЛ). Принято считать, что в начале XII века её написал Нестор, монах Киево-Печерского монастыря. Но можно ли доверять источнику, в основу которого положены неизвестные нам древние летописи, легенды и предания?

В ПВЛ сказано, что племена, населявшие территорию к востоку от Балтийского моря, издавна противостояли вооружённым людям, которые «приходили из-за моря» и пытались обложить данью местное население – словен, обитавших близ озера Ильмень, чудь, кривичей и другие племена. В древнерусских летописях агрессивных чужеземцев с побережья Балтики принято было называть варягами. Однако автор ПВЛ утверждает, что варяг Рюрик был приглашён княжить, а не пришел на эту землю как захватчик. Здесь вот что странно: обычно борьба с общим врагом объединяет разрозненные племена, но если верить Нестору, получается так, что вольные народы, жившие довольно дружно, передрались между собой и решили призвать строгого начальника со стороны, откуда-то из-за моря. Причём, изгнав одних варягов, словене и кривичи пошли на поклон к другим варягам, как бы признав, что были неправы, отвергая притязания незваных пришельцев на свою территорию.

С.М. Соловьёв, историк XIX века, автор «Истории России с древнейших времён» понял слова Нестора буквально, не вдаваясь в детали. Вот какие откровения находим в его книге (том 1, глава 4):

«Летописец начальный говорит, что варяги были изгнаны и потом снова призваны; летописцы позднейшие говорят, что как скоро один князь был изгоняем или сам удалялся из Новгорода, то граждане последнего немедленно посылали за другим: они не терпели жить без князя, по выражению летописца».

Это напоминает анекдот без начала и конца, поэтому вполне логично, что Д.С. Лихачёв в своих комментариях к «Повести временных лет» не счёл возможным назвать призвание варягов достоверным фактом:

«Легенда о приходе из-за моря Рюрика, Синеуса и Трувора со всем своим родом Русью, от которого и "п р о з а с я Русская земля" <...>, чистый домысел, трафарет исторического мышления летописца, его гипотеза, с которой пора перестать считаться».

Однако напрасно Лихачёв так неласково охарактеризовал древнего летописца, поскольку в опровержение слов Нестора он не смог предложить ничего кроме самых общих фраз:

«Нет никаких серьезных оснований считать, что слова "Русь" и "русский" первоначально означали только варягов, или только южное племя полян, или только господствующую "верхушку" русского населения».

Конечно, нельзя однозначно доверять сведениям из ПВЛ, если они не подтверждаются другими средневековыми источниками. Но, прежде всего, вызывает сомнения датировка событий IX века. К примеру, согласно ПВЛ поход Аскольда и Дира на Константинополь случился в 866 году от рождества Христова (в 6374 году от сотворения мира), тогда как из византийских источников доподлинно известно, что это событие имело место в 860 году.

Попытку объяснить подобные расхождения в датах предпринял А.А. Шахматов в работе «Хронология древнейших русских летописных сводов», опубликованной в 1897 году. Нас будут интересовать только даты не позднее 866 года. Итак, вот что написано в ПВЛ о походе на Константинополь: «В лето 6374. Иде Аскольдъ и Дирь на Греки, и приде въ 14 лето Михаила цесаря».

Каким же образом автор ПВЛ вычислил дату похода, если ему известно было только время пребывания Михаила III на византийском престоле? Шахматов предположил существование некоего Начального свода, который во многом стал источником сведений для автора ПВЛ и его предшественников. Судя по всему, составитель Начального свода нашёл в болгарском переводе «Хроники Георгия Амартола» указание на год вступления Романа на византийский престол, вычел 78 лет (суммарное время царствования других императоров) и получил 6350 (842) год – начало царствования Михаила – что соответствует истине. Затем всё тот же составитель принял обозначение главы 12, описывающей поход русов на Царьград, за продолжительность пребывания Михаила на троне и сделал вывод, что поход был в 6362 (854) году.

В свою очередь, предполагаемый составитель первой редакции ПВЛ, прочитав Начальный свод, решил, что год 6362 (854) означает начало царствования Михаила, и принял его за «начало Русской земли». Далее прибавил 12 лет (та же ошибка, что и у составителя Начального свода) и получил 6374 (866) год – год похода Аскольда и Дира на Царьград.

По мнению Шахматова, составитель второй редакции ПВЛ решил устранить неточности первой редакции:

«Основываясь на том, что от первого лета Михаила и года, когда началась Русская земля <...>, прошло до первого лета Святослава 83 года, он вычел эти 83 года из 6453 г. (смерть Игоря); в результате оказался 6370 (862) г., который и признан им за год начала земли Русской – за год призвания князей. Им он и заменил 6362 (854) г. Начального свода и первой редакции».

Итак, историография Руси началась с комедии ошибок, что совсем не удивительно. Даже современные историки нередко ошибаются, хотя обладают куда более обширными знаниями, чем Нестор и его предшественники. Что же касается датировки событий в ПВЛ, то в завершение своей статьи Шахматов делает следующий вывод:

«Преыдущее исследование приводит нас к заключению, что в нашей древней истории до 945 г. достоверными могут быть признаны лишь следующие годы, занесённые в летопись: 907-й (договор Олега с греками, 912-й (договор Олега с греками, 941-й (поход Игоря на греков), 945-й (договор Игоря с греками и смерть Игоря)».

Тем самым, Шахматов отвергает возможность призвания Рюрика в 862 году. Вот что написано в ПВЛ о призвании варягов:

«В лето 6370. И изгнаша варягы за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в себе володети. И не бе в нихъ правды, и вѣста родъ на род, и быша усобице в них, и воевати сами на ся почаша. И ркоша: «Поищемъ сами в себе князя, иже бы володелъ нами и рядилъ по ряду, по праву.» Идоша за море к варягом, к руси».

Шахматов основывает свой вывод на сведениях из «Бертинских анналов» (Annales Bertiniani. 1826), согласно которым византийцы знали народ «рос» (рус, русь) ещё в 839 году. Кроме того, он ссылается на Амастридскую и Сурожскую легенды о нападении русов. И далее пишет:

«Имеется ряд указаний на давнее местопребывание руси именно на юге, и в числе их не последнее место занимает то обстоятельство, что под "Русью" долгое время разумелась именно юго-западная Россия и что Чёрное море издавна называлось Русским».

Следующий вопрос, неизбежно возникающий у дотошного читателя при чтении ПВЛ: можно ли доверять сведениям автора, если он не приводит никаких ссылок на источники? Результаты исследования этой проблемы Шахматов изложил в «Сказании о призвании варягов», опубликованном в 1904 году (Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, СПб, с. 320).

Для начала Шахматов задаётся следующим вопросом. Если русь тождественна варягам, отчего было не сказать: «И идоша за море къ Руси»? В итоге он приходит к выводу, что «первоначальный вид Сказания о призвании князей говорил только о варягах», а упоминание руси – это позднейшая вставка киевского составителя ПВЛ.

Шахматов обращает внимание и на фразу из ПВЛ о дружине Олега (882 г.): «и беша у него мужи Варязи и Словене, и оттоле прозвашася Русью». Поскольку русь в составе дружины Олега не упоминается, Шахматов делает вывод, что «Словене и Варязи прозвались Русью, только перейдя на юг, в Киев». Более того, «новгородцы вообще очень не скоро назвались русскими, а в XII-XIV в. под Русью они разумели, судя по их летописям, сначала Киевскую, а потом Суздальскую область».

Итак, Шахматов считает домыслиями составителя ПВЛ упоминания варягов-руси («те варяги назывались русью») до прихода Олега в Киев. И лишь в описании событий 882 года, видимо, случайно сохранился текст Начального свода без существенных изменений. Действительно, в Новгородской первой летописи младшего извода (НПЛ) текст о призвании варягов отличается от того, что написано в ПВЛ. Вот что читаем в НПЛ:

«И реша к себе: "князя поищемъ, иже бы владелъ нами и рядилъ ны по праву". Идоша за море к Варягомъ и ркоша: "земля наша велика и обилна, а наряда у нас нету; да поидете к намъ княжить и владеть нами"».

В этом отрывке нет упоминания руси. Однако Шахматов так и не смог ответить на вопрос: «Почему северное предание сообщало о призвании варягов, а южное – об иноземном варяжском происхождении Руси?»

Есть некая недосказанность и в рассмотренной выше «Хронологии». Шахматов пишет о том, что «не может быть, кажется, никакого сомнения в тождестве имени "Русь", данного варягами славянам, и именем *Ruotsi*, обозначающим у финнов страну этих самых варягов». Но если имя «русь» возникло на юге, финское *Ruotsi* здесь совершенно ни при чём! Увы, Шахматов не нашёл способа, как связать между собой два столь противоречивых утверждения.

Впрочем, Д.С. Лихачёв тоже ограничился только общими рекомендациями:

«Нельзя искусственно разрывать происхождение слова Русь и считать, как это делали некоторые исследователи <...>, что на севере слово "Русь" имело одно происхождение, а на юге – другое, случайно совпавшие в едином звучании. Так можно предполагать разве только с отчаяния перед сложностью проблемы. Во всяком случае, сложный вопрос происхождения слова "Русь" требует пристального изучения».

С этими словами нельзя не согласиться. Версии происхождения слова «русь» будут рассмотрены в следующих главах.

Глава 2. Неизвестный по имени Рюрик

Если признать вымыслом часть текста ПВЛ, посвящённую обстоятельствам появления Рюрика на землях ильменских словен, тогда в истории России появляется белое пятно. Поэтому ничего другого не остаётся, кроме как искать объяснение событию, оказавшему столь значительное влияние на историю России.

Но прежде необходимо разобраться, о каких варягах-руси писал средневековый летописец. Вот мнение Н.М. Карамзина, изложенное в книге «История государства Российского»:

«Историки находят основательные причины думать, что Несторовы Варяги-Русь обитали в Королевстве Шведском, где одна приморская область издавна именуется Росскою, Roslagen. Финны, имея некогда с Рослагеном более сношения, нежели с прочими странами Швеции, доньше именуют всех ее жителей Россами, Ротсами, Руотсами... Варяги-Русь могли переселиться туда из Скандинавии, из Швеции, из самого Рослагена, согласно с известиями древнейших Летописцев Пруссии, уверяющих, что ее первобытные жители, Ульмиганы или Ульмигеры, были в гражданском состоянии образованы Скандинавскими выходцами, которые умели читать и писать. Долго обитая между Латышами, они могли разуместь язык Славянский и тем удобнее примениться к обычаям Славян Новгородских».

В.С. Ключевский более сдержан в оценке сведений из ПВЛ и лишь по-своему интерпретирует их в курсе лекций «Русская история»:

«По словам Повести, новгородцы сначала были славянами, а потом стали варягами, как бы оваряжились вследствие усиленного наплыва пришельцев из-за моря».

Однако «оваряжение» славян ничем не подтверждено – куда больше оснований предполагать «ославянивание» варягов, что подтверждается сохранением славянского языка на территории Руси.

Немецкий лингвист Макс Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» пишет о происхождении этнонима «варяг»: «так называли на Руси выходцев из Скандинавии». Там же он излагает два варианта этимологии этого слова, предложенных лингвистами. Основой может быть греческое "варангос", означающее «телохранитель, воин из наемной стражи византийских императоров». Впервые этот термин появляется в «Обзрении истории» византийского хрониста Георгия Кедрина, жившего на рубеже XI–XII веков. Другой вариант: древнескандинавское *váringr* или *væringr*, от слова *vár*, что означает «верность, порука, обет». Тогда *væringr* – это «союзники, члены корпорации».

По поводу версий происхождения термина «варяг» историк Д. И. Иловайский высказался ещё в начале прошлого века:

«Скандинавоманы слишком упирают на Скандинавию. Относительно отечества Варангов византийские известия указывают иногда на Германию, иногда на далёкий остров, находящийся на океане, который они называют Туле, а чаще всего причисляют их к Англичанам. Под островом Туле у Византийцев разумеется вообще крайний северный остров, так что, смотря по обстоятельствам, под ним можно разуместь острова Британские, Исландию, острова и полуострова Скандинавские. Но что ж из этого? Мы всё-таки не видим главного: тожества с Русью, и не только нет никакого тожества, напротив».

Сомнения Иловайского понятны, поскольку ПВЛ не даёт ответа на главные вопросы. Но вот что важно: если византийцы называли варангами наёмников из стражи императора, тогда ими могли быть воины любой национальности, от англичан до скандинавов. Однако и это определение термина «варяг» не приближает к истине. Гораздо важнее, что термин появился в Византии лишь в XI веке, а русский летописец мог использовать его применительно к IX веку, не зная о происхождении этого термина.

Помимо двух упомянутых вариантов происхождения термина «варяг», были и другие версии. Историк XVIII века В.Н. Татищев предполагал, что пришельцы-скандинавы называли себя «волками» – на древнескандинавском языке это *vargr*. Некоторые историки считали, что варяги пришли из Вагрии, местности близ Ютландского полуострова. Другие берут за основу племя варинов из Южной Балтики. Можно ещё упомянуть сообщение Иордана, готского историка VI века, который в трактате «О происхождении и деяниях гетов» рассказал о древних скандинавских племенах:

«В северной части [острова Скандзы – так Иордан называет Скандинавию] живёт племя адогит. <...> Есть там ещё племя – скререфенны. <...> Следует затем целая толпа различных племён: тевсты, вагот, бергио, халлин, лиотида. <...> За ними – миксы, евагры, отингис [в оригинале, на латинском языке: *Mixi, Evagre, Otingis*]. Все они живут по-звериному в иссечённых скалах, как бы в крепостях».

Большинство из перечисленных в тексте племён неизвестно историкам более позднего времени. Особый интерес вызывает племя под названием «евагры» (*Evagre*), что близко по звучанию к термину «варяг». Однако попытки связать происхождение этого термина с «варианами», «ваграми», «варгами» и «еваграми» обречены на неудачу, поскольку лингвисты категорически отвергают возможность преобразования этих слов в «варяг». Впрочем, то же самое можно сказать и о древнескандинавском *væringr*, так что остаётся единственный вариант, согласно которому термин «варяг» пришёл на Русь из Византии. При этом следует иметь в виду, что варяги, по существу, не имеют никакого отношения к предмету нашего исследования, поскольку этот термин был неизвестен в IX веке. Куда более важным является выяснение причин появления термина «русь», о чём будет рассказано в следующих главах.

Теперь попытаемся ответить на вопрос: кем был летописный Рюрик? Есть только две версии, которые заслуживают нашего внимания. В 1836 году профессор Дерптского университета Фридрих Крузе высказал предположение, что на самом деле главой ильменских словен и кривичей в 862 году стал конунг (князь или король) Рорик (*Rorich, Hrǫrek, Hrœrekr*), правитель области Фрисландия на Ютландском полуострове. Происходил он из династии Скъёльдунгов, был племянником или братом изгнанного датского короля Харальда Клака, который в 826 году получил от короля франков Людовика Благочестивого в лен владения на побережье Фризии с центром в Дорестаде. «Хроникон о свершениях норманнов во Франкии» (перевод А.С. Козлова, 2009 г.) содержит такие сведения о Рорике:

«В год Господень 845. Король норманнов Рорик направляет против Людовика в Германию по реке Эльбе шестьсот судов. Саксы, поспешившие им навстречу, когда свершилась битва, <...> становятся победителями. <...> В тот же год, возвращаясь к морю по пройденному [ранее] руслу Сены норманны разграбляют, опустошают и сжигают дотла все местности, граничащие с морем».

В «Анналах Ксанта» (перевод А.И. Сидорова, 1999 г.) рассказывается о дальнейшей судьбе Рорика:

«850 г. <...> Норманн Рорик, брат упоминавшегося уже юного Гериольда (Харальда), который бежал прежде, посрамленный Лотарем [королём Лотарингии], снова взял Дуурстед [Дорестада] и коварно причинил христианам множество бедствий».

В «Бертинских анналах» (*Annales Bertiniani*. 1826, перевод А. Волынец, 2005 г.) также сообщается о Рорике:

«850 г. <...> Король норманнов Орик вступил в войну с двумя нападшими на него племянниками. Примирившись с ними посредством раздела королевства, Рорик, брат Гериольда [Харальда] <...> собрав войско норманнов, на многих кораблях разграбил Фризию [Фрисландию], остров Батавию, и другие места по Рейну и Вахалию. Когда Лотарь не смог тому воспрепятствовать, он <...> дарит ему Дорестада и другие графства».

Более подробно о событиях 850 года сообщают «Фульдские анналы» (перевод А. Кулакова, 2010 г.; в этой цитате некоторые имена приведены в соответствие с представлениями современных историков):

«Год 850. Рорик из народа норманнов во времена императора Людовика в качестве лена получил [в управление] вместе со своим братом Гериольдом [Харальдом] поселение Дорестада [находилось в окрестностях современного города Вейк-бей-Дюрстед в Нидерландах]. После смерти императора Людовика, при Лотаре, который наследовал правление своего отца, по ложному обвинению, если верить слухам, Рорика уличили в измене, задержали и посадили под стражу. Когда умер его брат, он бежал оттуда и присягнул королю восточных франков Людовика. После того, как он прожил там несколько лет среди саксонцев, с которыми соседствовали норманны, он собрал значительный отряд данов [это предки датчан] и стал заниматься с ними морским разбоем, разоряя местности в государстве Лотаря, расположенные на северном побережье океана. Пройдя через устья Рена (Рейна) он добрался до Дорестада. А поскольку князь Лотарь не мог изгнать его без опасности для своих владений, <...> он согласился восстановить Рориха в прежних правах при условии, что он будет <...> противодействовать пиратским набегам данов».

Следующее упоминание о Рорике относится к 855 году (Annales Bertiniani. 1826):

«855 г. Лотарь отдаёт всю Фризию своему сыну Лотарю; Рорик и Годафрид ушли оттуда на родину, то есть в Данию с надеждой на получение королевской власти. <...> Рорик и Годафрид, поскольку им никак не сопутствовал успех, удерживали за собой Дорестада и владели большей частью Фризии».

Новые сведения о Рорике находим в «Фульдских анналах»:

«Год 857. Норманн Рорик, управлявший Дорестадом, с согласия своего господина, короля Лотаря, повёл флотилию в область данов и по соглашению с королём данов Ориком взял во владение вместе со своими товарищами часть земли, находящейся между морем и Эгидорой [Айдер, река в Шлезвиге]».

А вот сообщение из «Бертинских анналов» о Рорике после 862 года (перевод Фарафонова Ю.В., 2015 г.):

«863 г. Даны в месяце январе поднялись на кораблях по Рейну <...> убив множество фризских купцов и захватив немалое количество народа, пришли к некоему острову рядом с замком Новезием [Нойс, Neuss]. С одной стороны Рейна к ним подступил Лотарь со своими людьми, а с другой стороны – саксы и оставались там вплоть до Календ апреля, когда эти даны по совету Рорика ушли так же, как и пришли [Unde idem Dani consilio Rorici, sicut accesserant, et recedant]».

Примечательно, что Рорик даёт советы данам, но фактически уже не командует ими – о Рорике, как предводителе данов и участнике их походов, нет ни слова в хрониках после 862 года.

В 867 году Лотарь только надеялся на помощь Рорика, но так и не дождался («Бертинские анналы»):

«867 г. <...> Лотарь, относясь с подозрением к Карлу, возвратившемуся от Людовика, отправился из Меттиса во Франконофурд и помирился с ним, ранее бывшим весьма враждебным к нему. <...> Вернувшись оттуда, объявил в своём королевстве о наборе войска для защиты родины от норманнов, полагая, что с подмогой данов возвращается Рорик, которого из Фризии изгнали её жители».

Приведённые отрывки из хроник позволяют понять, чем занимался Рорик в середине IX века. Однако допустим, что Рюрик и Рорик – это одно и то же лицо. Содержание русских летописей не исключает возможности, по крайней мере, кратковременных вояжей Рорика в Западную Европу. Целью могло быть участие отрядов данов в военных действиях на стороне одного из наследников Людовика Благочестивого. Сам Рорик этими отрядами фактически уже

не руководил, поэтому и привлёк к переговорам племянника Рудольфа, своего преемника. Рорик в глазах Людовика и Карла оставался важной персоной, за ним стояла военная сила, но если бы Рорик сам командовал войском, присутствие Рудольфа было бы излишним, тем более что Карл ему не доверял. При этом фразу об изгнании из Фризии можно понимать и так, будто восставшие жители заставили уйти войска, которыми командовал другой, близкий Рорику человек, возможно, кто-то из его родственников. Кстати, именно отсутствие Рюрика могло стать причиной поражения. Не исключено, что к этому времени он перебрался на восточное побережье Балтики, там и стал княжить.

Вроде бы всё сходится на том, что Рорик Ютландский вполне мог быть тем Рюриком, который обосновался в приильменском городище и княжил в Новгороде. Но трудно поверить в то, что Людовик и Карл не знали о том, что Рорик одновременно правит в Новгороде и занимается делами подконтрольных ему воинских соединений на землях франков. В хрониках об этом важном обстоятельстве не упоминается, но это можно объяснить тем, что придворные летописцы были слабо информированы о том, что творилось на землях к востоку от Балтики.

Согласно второй версии, Рюрика следует искать среди свеев, на территории нынешней Швеции. Однако в числе известных представителей знати IX века, упомянутых в скандинавских сагах, нет человека по имени Рорик (Рёрек или Хрёрек). Единственную подходящую кандидатуру находим в «Саге о Харальде Прекрасноволосом» (Снорри Стурлусон, «Круг земной», перевод М.И. Стеблин-Каменского, 1980 г.) – там упомянут «Эйрик в Уппсале» (Eiríkr konung at Uppsölum).

Княжеский род Эйрика Эмундарсона управлял значительной частью территории Швеции, а город Уппсала был центром провинции Упланд. В середине IX века викинги под руководством Эйрика не раз грабили поселения на восточном побережье Балтики, о чём рассказано в «Саге об Олаве Святом». Но мог ли Эйрик одновременно княжить и в Уппсале, и в Новгороде? «Повесть временных лет» содержит только два сообщения о предводителе варягов, датированные примерно 862 и 879 годом, поэтому нет никаких оснований утверждать, что Эйрик Эмундарсон до самой смерти безвылазно находился на земле ильменских словен. Он мог разместить в ближайших городах свои отряды, а Новгород стал ещё одной промежуточной базой для сбора дани со словен и подготовки дальних походов – вниз по Днепру, в Причерноморье, вплоть до Константинополя.

Надо признать, что имена Эйрик и Рюрик не настолько созвучны, чтобы их перепутать. Но в давние времена известия о пришельцах передавались из уст в уста, а не записывались, поэтому скандинавские имена за десятилетия могли изрядно исказиться – не исключено, что Эйрик превратился в Рюрика.

Что же случилось в середине IX века? Ильменские словене, кривичи и соседние племена решили договориться с Рюриком, обещая платить дань в обмен на защиту от скандинавов, которые регулярно совершали набеги и разоряли их поселения. Рюрик согласился на такие условия, но только для того, чтобы затем прибрать к рукам всю власть. Он фактически был королём в Ладогe, хотя большую часть времени мог проводить за пределами этой территории. Здесь полная аналогия с королевой Англии Елизаветой, которая правила заморскими колониями, не выходя из своего дворца.

Однако из того, что Рорик или Эйрик могли править в Ладогe, вовсе не следует, что один из них стал основателем Руси.

Глава 3. «Исконно-русские» версии

Исконно-русскими мы будем называть версии, в основу которых положена вера в существование русского народа с незапамятных времён. Надо признать, что попытки некоторых историков найти доказательства существования руси в начале первого тысячелетия, а возможно и в ещё более глубокой древности, вызывают уважение. Доказать «исконность» руси – это вполне естественное желание любого российского историка, будь он профессионалом или дилетантом. Проблема в том, что чем дальше мы забираемся в «тёмные века», под которыми подразумевается раннее средневековье, тем меньше летописных материалов, пригодных для анализа. В качестве примера приводим отрывок из «Анналов» Тацита, написанных во II веке н.э.:

«За лугиями живут готы, которыми правят цари, и уже несколько жёстче, чем у других народов Германии, однако ещё не вполне самовластно. Далее, у самого Океана, – ругии и лемовии; отличительная особенность всех этих племён – круглые щиты, короткие мечи и покорность царям. За ними, среди самого Океана, обитают общины свионов; помимо воинов и оружия, они сильны также флотом».

Историкам пришлось приложить немало сил, чтобы выяснить, какие народы упомянуты в «Анналах» и где расположен этот самый Океан. Оказалось, что Океаном Тацит называл Северное и Балтийское моря, а сообщение о том, что свионы, предки шведов, обитают посреди Океана, стало следствием заблуждения географов: Скандинавский полуостров они считали островом вплоть до XI века.

Примерно такая же картина возникает при анализе трактата Иордана «О происхождении и деяниях гетов». Вот что он писал о событиях IV века в Восточной Европе:

«Германарих, король готов хотя, как мы сообщили выше, и был победителем многих племён, призадумался, однако, с приходом гуннов. Вероломному же племени росомонов [Rosomogum gens infida], которое в те времена служило ему в числе других племен, подвернулся тут случай повредить ему».

Термин «росомон», кроме Иордана, никто из средневековых хронистов не использовал. Так бы и затерялись росомоны среди названий многих неизвестных нам народов и племён, о которых упоминали древние историки, если бы не настойчивость некоторых историков в намерении доказать древнее происхождение русского народа. Для таких энтузиастов любое «рос» или «рус», обнаруженное в старинном фолианте или на средневековой карте – это словно путеводная звезда. Увы, только созвучием, как правило, и ограничиваются доказательства очередной «теории». В данном случае внимания заслуживает германская этимология слова «росомон», основанная на предположении, будто *ros* означает «красный», а *mon* является искажённым готским «*mana*», так что «росомон» можно вроде бы перевести как «красный человек». Происхождение красных, или краснолицых, людей обсуждается в одной из следующих глав, где рассмотрена «греческая» версия происхождения слова «рос».

В трактате Иордана упомянуто ещё одно племя – роксоланы (*Rhoxolani*). Впервые об этом народе написал греческий географ I века до н.э. Артемидор Эфесский, а вслед за ним Страбон – в трактате «География» этот народ назван по-гречески *Ροξολάνοι*. Принято считать, что этноним «роксоланы» основан на иранском словосочетании, которое переводится как «светлые аланы» (*roxs-alan*). По сведениям из древних источников, во II-I веках до н.э. роксоланы жили на территории между Днепром и Доном, а позже переместились в придунайские земли. Понятно, что «рокс» это совсем не «рос», однако иногда за неимением лучшего приходится использовать и подобные созвучия.

Территория между Доном и Днепром весьма привлекательна тем, что включает в себя Киевскую Русь и более ранние образования вроде «волынцевской» и «салтово-маяцкой» куль-

тур. Есть искушение связать население этой территории в IX веке с роксоланами I века до н.э. Так и поступил Д.И. Иловайский в книге «Краткие очерки русской истории» (1868 г.):

«Русь издревле обитала в стране между Днепром и Азовским морем; она упоминается у греческих и латинских писателей под именем сармарского [сарматского] народа роксолан или росо-алан. Первое о них упоминание встречается в 94 году до Рождества Христова (у Страбона), а затем идут отрывочные известия о них до VI века включительно. В следующие затем века (весьма скудные по отношению к историческим известиям) росоаланские, или русские, князья и их храбрые дружины, по всей вероятности, были заняты упорною борьбой с соседними народами, как славянскими, так и иноплеменными (особенно с аврами [аварами] и уграми [предками венгров]). Мало-помалу Русь подчинила себе некоторые славянские племена и образовала сильное государство, центром которого сделался Киев».

К сожалению, Иловайский в своих изысканиях недалеко ушёл от М.В. Ломоносова, который ещё в середине XVIII века написал по заказу императрицы «Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера "Происхождение имени и народа российского"». Вот какими контраргументами воспользовался Ломоносов:

«Отвергает господин Миллер мнение учёных людей, которые россиян и имя их производят от роксолан, древнего народа, жившего между Днепром и Доном, а причины сего отвержения полагает, что-де небольшое сходство имени россиян с именем роксолан и сходство места не довольны к тому, чтобы утвердить происхождение имени и народа российского от роксолан; но должно-де показать: 1) как имя роксолане переменялось на имя россияне, 2) как роксоланы перешли к северу, 3) каким языком роксолане говорили. На сие отвечаю, что хотя сходство имени и места роксолан с россиянами довольно быть казалось уже многим славным европейским авторам и целым ученым собраниям, чтобы имя и род россиян произвести от роксолан, однако дабы господина Миллера и в строгих сих его требованиях удовлетворить, следующее предлагаю: 1) Перемена имени роксолане на россияне весьма невелика».

Увы, современные лингвисты могли бы высмеять такое «доказательство», если бы речь не шла о знаменитом учёном. Столь же неубедительно выглядит и следующий довод из работы Ломоносова:

«Но хотя ни о роксоланах, ни о россах, ни о руссах после четвёртого до девятого века не упоминается у внешних писателей, однако из того не следует, чтобы тем именем оный народ сам не назывался».

Версия о происхождении руси от роксолан не получила развития, однако лингвист О.Н. Трубачёв продолжал настаивать на том, что термин «русь» возник именно в Днепровско-Донском регионе. В качестве аргумента он использовал очередное созвучие, интерпретируя росомонов как «светлых людей», а роксоланов – как «светлых алан». Однако никто так и не смог представить каких-либо доказательства связи росомонов и роксолан начала первого тысячелетия с русью IX века. Созвучие – это слишком слабый аргумент, когда речь идёт о происхождении русского народа.

Эта недоказанная связь, видимо, подвигла некоторых историков на поиски корней руси в «волынцевской» и «салтово-маяцкой» культурах. Вот что писал академик В.В. Седов в книге «Славяне» (2002 г.):

«До последних десятилетий VII в. лесостепные земли Днепровского Левобережья заселяли анты – носители пеньковской культуры (сахновская стадия), а более северную территорию – племена колочинской культуры. В конце этого столетия развитие этих культур на Левобережье было прервано вторжением крупной массы нового населения. Последнее оказалось более жизненным и более активным в хозяйственном отношении, и в Днепровском Левобережье формируется новая культура – волынцевская».

Увы, следов пребывания в регионе большого количества людей, кроме черепков на древних пепелищах, да остатков их поселений, отыскать не удалось. Тем не менее, Седов делает обескураживающий вывод:

«Русы – носители волынцевских древностей и эволюционировавших на их основе роменской, боршевской и окской культур».

Создаётся впечатление, что подобные декларации появляются от безысходности – если желания превышают возможности, тогда приходится ограничиваться единственным аргументом, который сводится к утверждению: всё было именно так, поскольку иначе быть просто не могло.

Впрочем, есть косвенный аргумент в пользу упомянутой версии, заключающийся в том, что в 827-834 годах хазары с помощью византийцев построили крепость Саркел, которая, судя по всему, служила для защиты западных границ Хазарии в районе волго-донского волока. Седов в статье «Русский каганат IX века» упоминает и другие укрепления, которые якобы также использовались для этой цели:

«До 30-х гг. IX в. на северо-западном пограничье Хазарии использовались старые укрепления – городища, возникшие ещё в скифское время. Они были устроены на труднодоступных мысах коренных берегов рек и воспринимались средневековым населением как естественно защищённые участки местности, способные обеспечить безопасность жителей близлежащих селений».

Однако, как именно воспринимались эти городища средневековым населением, на самом деле не известно. Кроме того, на восточной окраине территории «волынцевцев» археологи не обнаружили следов укрепленных поселений, что свидетельствует об отсутствии противостояния с хазарами. Увы, нет никаких оснований для утверждения, будто хазары опасались именно «волынцевцев» или «салтовцев», тем более что такие опасения всё равно не позволяют поставить знак равенства между этими народами и русью.

Но есть ещё один аргумент, который использовал Седов для того, чтобы подтвердить свою версию местоположения Руси в IX веке. В первой половине этого века был составлен список народов и племён, преимущественно славянского происхождения, населявших области восточнее [Франкского](#) государства. И вот какова последовательность перечисления народов в этом списке, получившем условное название «Баварский географ»: ...*Bruzi, Vvizunbeire, Caziri, Ruzzi, Forsderen*...

Первый народ идентифицирован историками как пруссы, третий – как хазары, четвёртый – как русы, а последний – это предположительно «лесные жители», которых можно отождествить с древлянами. Седов утверждает, что «русам остаётся ареал волынцевской культуры – между Хазарией и территорией древлян». Но если этому списку всецело доверять, то возникает вопрос: каким образом хазары оказались между пруссами и русами? В этом случае русов следует искать к востоку от Волги, что противоречит версии Седова. Так что единственный вывод, который может быть сделан на основании этого списка, состоит в том, что в Баварии IX века был известен некий народ, название которого созвучно слову «руссы».

Если Иловайский искал начало Руси в I веке н.э., то нынешние историки явно осмелели, поэтому не боятся реконструировать события III тысячелетия до н.э. Вот короткий отрывок из доклада Л.П. Грот на научно-практической конференции «Российская государственность в лицах и судьбах её создателей: IX-XXI вв.» в мае 2013 года:

«При всей известности археологического богатства Прикамья учёные недоумевали: а кто же это плывал из Прикамья до Индии на протяжении тысячи лет, с VIII века до н.э. до VII века н.э.? <...> По моей концепции начального периода древнерусской истории, этим народом были древние русы <...> которые выделились из индоевропейского субстрата Восточной Европы при его распаде одновременно с ариями, что датируется обычно началом III тыс. до н.э. Арии ушли на юг, а русы остались в Восточной Европе, и именно их присутствие фиксируется

исторической топонимикой, прежде всего, восточноевропейскими гидронимами с корнем *рос/рус/рас*. Совпадение названия страны, гидронима и этнонима – в нашем случае, страна Русь и народ русы – является признаком исконного проживания народа на данной территории».

Проблема в том, что ни Лидия Грот, и никто другой не в состоянии представить нота-риально заверенный документ, где были бы зафиксированы даты появления на свет всех этих гидронимов и топонимов – то ли это случилось в VII, то ли в IX, то ли в XII веке. С другой стороны, упомянутые совпадения вполне естественны, поскольку было бы странно, если бы русские люди стали, например, в X веке называть реки и города в честь каких-то шведов или финнов. Куда логичнее звучит «Русь – русская река».

Впрочем, есть обстоятельства, которые не соответствуют и этой логике, и декларациям Лидии Грот. Всё дело в том, что на просторах европейской части России есть множество рек, происхождение которых не удаётся объяснить ни с помощью древнеславянского языка, ни привлекая для этого какие-то местные наречия. Но стоит только обратиться к древнескандинавским языкам, как такая возможность сразу появляется. Подробнее об этом будет рассказано в главе, посвящённой скандинавской версии происхождения руси.

Помимо нелепых, ничем не подтверждённых предположений, сторонники существования руси в начале первого тысячелетия н.э. нередко выдают желаемое за действительное. Историк В.В. Фомин в статье «Нужен ли нашему будущему шведский взгляд на наше прошлое?» (2013 г.) пишет следующее:

«К сказанному необходимо добавить, что <...> поэт XII в. Манасия называет русов в числе участников нападения под руководством аварского кагана на Константинополь в 626 г., в "Хронографии" Феофана Исповедника (ум. 818) под 773 г. сообщается, что император Константин V Копроним в поход на болгар послал 2000 хеландий, а сам на "русской" хеландии поплыл к устью Дуная».

На самом деле, Манасия в числе участников нападения упоминает тавроскифов, а в «Хронографии» Феофана Исповедника (перевод И.С. Чечурова, 1980 г.) написано следующее:

«774 г. В этом году, в месяце мае, 12-го индикта Константин двинул флот из 2-х тысяч хеландиев против Булгарии, и сам, взойдя на пурпурные хеландии, отправился к [устью] реки Дунай, оставив стратегов кавалерийских фем за клисурами, с тем, чтобы они могли проникнуть в Булгарию, куда болгары будут заняты самим василевсом».

Фомин воспользовался переводом, выполненным в 1884 году, в котором сделана ошибка. Как поясняет Чечуров, «хронист говорит об императорских хеландиях, украшенных пурпуром, составлявшим прерогативу византийского василевса».

Ещё одним примером неспособности сторонников версии об «исконности» руси, русского народа, аргументированно опровергнуть доводы оппонентов является сочинение С.В. Цветкова «Поход Русов на Константинополь в 860 году и начало Руси» (2010 г.):

«Вполне очевидно, что русы были главенствующим племенем среди восточных славян, и именно их представители вели последующие переговоры с Византией, а поскольку до этого события империя, которой уже давно были хорошо известны другие славянские племена, видимо, мало что знала о русах, то после похода всех восточных славян так именовала – по главенствующему племени – русами (росами). О главенстве руси над соседними племенами Фотий пишет в знаменитом Окружном послании: "тот самый так называемый (народ) Рос, те самые, кто – поработив (живших) окрест них и оттого чрезмерно возгордившись – подняли руку на саму Ромейскую державу"».

Увы, Цветков так и не представил никаких доказательств, что русь в IX веке главенствовала среди славян. Ну а ссылка на Фотия совершенно неуместна, поскольку тот ни слова не пишет о славянах.

Далее Цветков попытался опровергнуть Лиутпранда Кремонского (Liudprands von Cremona Werke. 1977):

«Необходимо отметить, что итальянские хронисты под норманнами понимали все народы, живущие севернее них, о чем сообщал Лиутпранд Кремонский: "Ведь на севере его соседями являются венгры, печенеги, хазары, руссы (Rusios), которых мы зовём другим именем, т. е. нормдманнами..." Так что итальянцы считали норманнами даже хазар и печенегов».

Трудно представить, что греки настолько слабо разбирались в географии, что называли северянами жителей Хазарии, территория которой простиралась до предгорий Кавказа. Однако в книге Лиутпранда есть другой отрывок:

«XV. В северных краях есть некий народ, который греки по его внешнему виду называют "русиос", мы же по их месту жительства зовём "норманнами"».

Отсюда следует, что в первом отрывке слова «которых мы зовём» относятся только к русам. Кого же европейцы называли норманнами? Ответ на этот вопрос находим в труде хрониста Эйнхарда «Жизнеописание Карла Великого» (перевод М.М. Стасюлевича, 1864 г.) первой половины IX века:

«От западного океана к востоку протянулся некий залив, длина которого неизвестна, ширина же нигде не превышает ста тысяч шагов, хотя во многих местах является меньшей. По берегам его живёт множество народов; даны и свеоны, которых мы называем нормдманнами (Nordmannos), заселяют северное побережье и все близлежащие острова».

Итак, похоже, что без подтасовок не может обойтись ни один сторонник версии об «исконности» Руси. Иногда горе-искателям не удаётся найти подходящий перевод или фразу, допускающую двойное толкование. В этом случае факты берутся «с потолка», примером чему является содержание статьи «Загадка древних русов, или что означает слово "русский"», опубликованной в 2008 году. Её автором стал С.В. Перевезенцев, доктор исторических наук, член бюро президиума Всемирного русского народного собора. Вот что там написано:

«Учёные выяснили, что на карте древней Европы I–IX вв., то есть тогда, когда Древнерусского государства ещё не существовало, имя "русь" было очень распространено. Сегодня известно, что какие-то четыре разные Руси были в Прибалтике. В Восточной Европе имя "русь" можно найти на берегах Днепра, на Дону, в Карпатских горах, в устье Дуная, на побережье Азовского и Каспийского морей, в Крыму. В Западной Европе – на территории современной Австрии, а также в Тюрингии и Саксонии. Кроме того, какая-то "Русь" ("Руззика") входила в состав королевства вандалов в Северной Африке».

Особенно впечатляет присутствие руси в Африке. Можно было бы не обращать внимания на такие откровения, если бы они не являлись характерным примером состояния исторической науки, по крайней мере, той её части, которая посвящена исследованию начала Руси.

Глава 4. Южно-балтийская версия

В «Повести временных лет» сказано, что словене, кривичи и соседние племена, изгнав за море одних варягов, отправились к другим, и опять за море. Но почему именно за море? Неужели нельзя было подыскать себе князя на обширной территории к востоку от Балтики?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выяснить, зачем на свет появилась ПВЛ. Наиболее логичное объяснение состоит в том, что летопись была написана по заказу киевского князя. Более того, перед Нестором была поставлена определённая задача – показать, что варяги-русь это не чужаки вроде свеев или норманнов. Однако написать, что русь это какой-то близкий по происхождению народ, Нестор не мог – тогда бы пришлось указать точное место, откуда пришла эта русь. Такие сведения можно проверить, и в результате обнаружится обман, поэтому Нестор написал расплывчато – мол, русь пришла из-за моря. Те же слова читаем и в Новгородской первой летописи младшего извода, так что варягов-русь вроде бы следует искать на побережье Балтики, хотя и без особой надежды на успех.

«На помощь» Нестору пришёл В.Н. Татищев. Историк XVIII века попытался доказать, что Рюрик был наполовину славянин, а правил землями к северу от Приильменья, на территории Карелии и нынешней Финляндии. Для подтверждения своей версии Татищев включил в книгу «История Российская» отрывки из якобы утраченной «Иоакимовской летописи»:

«О князях русских старобытных монах Нестор плохо знал, какие дела свершали славяне в Новгороде, а святитель Иоаким, хорошо знающий, написал, что сыны Иафетовы и внуки отделились, и один от князь, Славен с братом Скифом, ведя многие войны на востоке, идя к западу, многие земли у Чёрного моря и Дуная себе покорили. <...>

Князь Славен, оставив во Фракии и Иллирии около моря по Дунаю сына Бастарна, пошёл к полуночи и град великий создал. <...> После устроения Великого града умер князь Славен, а после него властвовали сыновья его и внуки много сот лет. И был князь Ванда. <...> Он имел три сына: Избора, Владимира и Столпосвята... Потом умер Избор и Столпосвят, а Владимир принял власть над всей землей. <...>

По смерти Владимира <...> княжили сыновья его и внуки до Буривою, который девятым был после Владимира, имена же сих восьми неведомы. <...>

Люди же, терпевшие тяготу великую от варяг, послали к Буривою, испросить у него сына Гостомысла, чтобы княжил в Великом граде. И когда Гостомысл принял власть, тотчас варягов что были каких избил, каких изгнал, и дань варягам отказался платить. <...>

И пришёл после смерти Гостомысла Рюрик [сын варяжского князя и Умилы, средней дочери Гостомысла] с двумя братья и их сородичами».

В этой истории всё складно сказано, за исключением того, что кроме слов самого Татищева нет никаких доказательств существования летописи «святителя Иоакима». И даже если такая летопись была, трудно поверить, что столь ценные сведения были доступны только этому монаху.

Некоторые историки отстаивали версию, согласно которой варяги пришли с южного побережья Балтики. Такие сведения содержатся в мекленбургских и голштинских «генеалогических таблицах», которые были собраны в конце XVII века Иоганном Фридрихом фон Хемницем и опубликованы в 1708 году Иоганном Хюбнером. Согласно этой генеалогии, Рюрик был внуком Витослава, короля ободритов (бодричей) – западных славян, живших в нижнем течении Лабы (Эльбы) и Одера. Отец Рюрика, Годослав (Готлиб), погиб на войне с данами (датчанами) в 808 году, а корону наследовал его брат. Хемниц утверждал, что Рюрик и его братья, Сивар и Трувар, потеряв надежду взойти на престол, отправились в Новгород. Однако веры этим сведениям нет, поскольку не указаны источники, на основе которых были составлены «таблицы».

С. Мюнстер и С. Герберштейн ещё в XVI веке придерживались того мнения, что родиной варягов была Вагрия, граничившая с Любеком и Голштинским герцогством. В средние века вагры, одно из племён полабских славян, входили в союз ободритов. Однако эта версия, как и многие другие, основана всего лишь на созвучии слов – «вагры» и «варяги».

В пользу южнобалтийской версии высказывался М.В. Ломоносов в работе «Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера "Происхождение имени и народа российского"»:

«Против всех сих неосновательных Бейеро-Миллеровых догадок имею я облак свидетелей, которые показывают, что варяги и Рурик с родом своим, пришедшие в Новгород, были колена славенского, говорили языком славенским, происходили от древних роксолан или россов и были отнюд не из Скандинавии, но жили на восточно-южных берегах Варяжского моря, между реками Вислою и Двиною».

Казалось бы, Ломоносов прав. Если варяги, как писал Нестор, не были ни свеями, ни урманями, ни англами, ни жителями острова Готланд, однако пришли из-за моря, тогда остаётся предположить, что они родом с южного побережья Балтики. Впрочем, в Балтийском море есть и другие острова помимо Готланда, но этот вариант будет рассмотрен в одной из последних глав. Что же до версии Ломоносова, то он настаивал на том, что варяги-русь жили в соседстве с пруссами. Ввиду отсутствия «облак свидетелей», эту версию не имеет смысла обсуждать.

Южно-балтийскую версию происхождения руси с давних пор поддерживал В.Л. Янин, известный археолог, действительный член Российской академии наук. Вот отрывок из его выступления на президиуме РАН в 2001 году, где обсуждались результаты работы Новгородской экспедиции:

«Данные археологии, результаты изучения антропологических типов, обрядности, фортификаций, керамики показывают, что главный путь проникновения славян в северо-западные земли Древней Руси берёт начало на южных берегах Балтики».

И далее:

«Княжеская резиденция появилась в середине IX века. Многие находки говорят о пребывании здесь варяжской дружины: определенное доказательство реальности самого факта призвания скандинавского князя. Он действительно был призван, потому что три составные части конфедерации – новгородцы, кривичи и меря – не могли выдвинуть на княжеский стол кого-либо из своей среды».

В интервью 2009 года Янин дополнил эту версию:

«Кривичи и новгородские славяне пришли из Южной Балтики. А когда они между собой поссорились, то послали за князем. Послали в те места, где они бывали, где жили. Оттуда призвали Рюрика».

Судя по всему, связь ильменских славян и кривичей с Южной Балтикой вполне возможна, а вот происхождение Рюрика по-прежнему остаётся тайной за семью печатями.

Более категоричен в своих высказываниях историк А.Н. Сахаров, член-корреспондент РАН. Вот что он написал в своём сочинении «Рюрик, варяги и судьбы российской государственности»:

«Летописец не только рассказал о факте призвания варягов, но и точно определил, кто такие были варяги Рюрика, откуда они явились, в каком отношении к восточным славянам они находились. Он отмечает, что варяги живут "за морем", что они зовутся "русь", причем летописец – осведомленный и внимательный автор – подчёркивает их этническое отличие от шведов, норманнов, англо-готландцев. Этническую принадлежность варягов-руси к славянскому миру летописец определяет одной фразой: "А словенский языкъ и русский одно есть". <...> Летопись многократно упоминает и об отношениях восточных славян с варягами-русью в IX в., все эти упоминания ведут в одном направлении – на южный берег Балтики».

На самом деле, в ПВЛ нет явного указания на то, что варяги-русь пришли с южного побережья Балтики. Точно так же слова о родстве славянского и русского языков нельзя счи-

тать доказательством славянского происхождения варягов. Так что историк всего лишь выдаёт желаемое за действительное.

Есть версия, связанная с островом Рюген, расположенным к востоку от Ютландского полуострова – это тоже Южная Балтика, однако речь в этом случае не идёт ни о соседях пруссов, ни о союзе ободритов. Одним из защитников «рюгенской» версии является писатель Л.Р. Прозоров – вот что он пишет:

«Особенно же сильно была сакрализована особа князя Рюгена, вместилища священного для всех славянских народов города-храма Арконы. <...> И тут необходимо обратить внимание на сообщение англосаксонской поэмы VIII века "Видсид": "Хаган правил хольмругами". Хольм – остров, руги, ругии – население острова <...> Рюген, в VIII веке уже безусловно славянское».

Тут вам и Хаган (Хаген), напоминающий «хакана русов», о котором написано в «Бертинских анналах» и в сочинениях Ибн-Русте. Тут и руги – название племени, вроде бы созвучное со словом «русы». Всё это уже было в книге С.А. Геденова «Варяги и Русь» (1876 г.). Однако лингвисты утверждают, что слова «руги» и «русы» имеют разную этимологию. Тем не менее, эта версия остаётся довольно популярной среди историков. Более того, А.Г. Кузьмин считал, что Рюген и есть тот самый «остров русов», о котором писали арабские географы X-XII веков. В качестве подтверждения «рюгенской» версии иногда упоминают город, расположенный в 100 км западнее острова Рюген – это город Рерик (Rerik), один из районов которого называется Russow. Но дело в том, что до 1938 года город имел совсем другое название, Alt Gaarg – оно появилось не позднее XIII века, а переименован город был то ли в память о поселении викингов, которое якобы находилось в этом месте, то ли как напоминание о располагавшейся где-то поблизости столице ободритов.

Об острове Рюген писал в XI веке Адам Бременский (перевод М.Б. Свердлова, 1989 г.):

«Мы узнали, что из тех островов, которые лежат [у страны] склавов [славян], наиболее примечательных три. Первый из них называется Фембре (Фемарн). Он расположен напротив ветров, так что его можно видеть из Альдинбурга точно так же как и тот, который называется Лаланд. Второй (Рюген) расположен против вильцов; владеют им раны или руны, наиболее храбрый народ из склавов. Есть закон: без их мнения никакое общественное дело не выполнять, так их боятся вследствие их дружеских отношений с богами или вернее говоря, с демонами, которым они воздают большее поклонение, чем другие. Итак, оба эти острова полны пиратов и жесточайших разбойников, которые не щадят никого из проезжающих мимо них. <...> Третий [остров] тот, который называется Семланд, соседний с руссами или полонями [полянами, поляками]».

Самланд, Самбия – земля одного из прусских племен, которую Адам по ошибке называет островом. Вызывает удивление соседство прусских земель с русскими, однако в другом месте Адам поясняет:

«Нам известно, что за Одером живут помераны, затем простирается обширнейшая страна полян, граница которой, как говорят, соприкасается с царством России».

Однако Адам Бременский даже не попытался отождествить жителей острова Рюген с русами – он лишь отметил, что этот остров находился недалеко от земель «руссов» и «полонов».

Таким образом, несмотря на установленные археологами связи ильменских словен и кривичей с обитателями южного побережья Балтики, приходится признать, что пока не найдено никаких подтверждений версии, согласно которой варяги во главе с Рюриком пришли в Приильменье из этих земель. Так что в пользу южно-балтийского происхождения руси нет скольконибудь убедительных аргументов.

Глава 5. Хакан русов

В предыдущей главе рассказано о неудачной попытке связать «хакана русов» с островом Рюген на Южной Балтике. Что же дало повод для возникновения этой версии?

Впервые хакан русов упоминается в «Бертинских анналах» (*Annales Bertiniani*. 1826), посвящённых событиям в государстве франков с 830 по 882 гг.:

«839 г. <...> Прибыли также греческие послы, отправленные императором Феофилом. <...> Он также послал с ними неких [людей], которые говорили, что их, то есть их народ, называют рос [*gens Rhos* – народ рос], что их король, по имени хакан [*chacanus*], послал их к нему [Феофилу], как они заявляли, дружбы ради».

О хакане русов писал в первой половине X века арабский учёный Ибн-Русте (Гаркави А.Я., *Сказания мусульманских писателей о славянах и русских*. СПб, 1870, с. 26):

«Они имеют царя, который зовется хакан-Рус. Они производят набеги на Славян, подъезжают к ним на кораблях, высадятся, забирают их [Славян] в плен, отвозят в Хазран и Булгар и продают там».

Примерно в то же время о хакане русов сообщил и анонимный автор книги под названием «Худуд ал-‘Алам мин ал-Машрик ила-л-Магриб» («Границы мира с востока на запад», 982 г., перевод И. Старикова, 2005 г.):

«К востоку от этой страны – горы печенегов; к югу от неё – река Ruta; к западу от неё – саклабы [славяне]; к северу – Ненаселенные Земли Севера. Это обширная страна, и жители её злонравны, непокорны, имеют надменный вид, задиристы, и воинственны. Они воюют со всеми неверными, живущими вокруг них, и выходят победителями. Властитель их называется Rus-khaqan. Эта страна чрезвычайно благоприятствуема природой в том, что касается всего необходимого [для жизни]».

В середине XI века титул «каган» встречается в трудах церковного историка Илариона, митрополита Киевского. Вот какие строки находим в «Слове о законе и благодати» и в «Исповедании веры»:

«Похвалимъ же и мы, по силе нашей, малыими похвалами великаа и дивнаа сътворишааго нашего учителя и наставника, великааго кагана нашеа земли Володимера. <...>

Сии славнии от славныхъ рожья, благородень от благородных, каганъ нашъ Влодимеръ. Сии славнии от славныхъ рожья, благородень от благородных, каганъ нашъ Влодимеръ. <...>

Съвлече же ся убо каганъ нашъ. <...>

Паче же помолися о сыне твоёмъ, благовернемъ кагане нашемъ Георгии...

Быша же си въ лето 6559 (1051), владычествующу благоверьному кагану Ярославу, сыну Владимиру».

Автор «Слова о полку Игореве» (конец XII в.) называет каганом тматороканского князя Олега Святославича: «Рекъ Боянь и ходы на Святъславля пестворца стараго времени Ярослава Ольгова коганя хоти».

Наконец, на стене собора Св. Софии Киевской есть надпись: «Спаси, Господи, кагана нашего». Скорее всего, здесь речь идёт о Святославе Ярославиче, сыне Ярослава Мудрого, княжившем в Киеве в 1073—1076 годах.

Однако автор «Повести временных лет», созданной в начале XII века, не понял значения этого титула, поэтому и возникло под его пером такое странное сочетание, как «князь Каган»:

«В год 6473 (965). Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар, и столицу их и Белую Вежу взял».

Надо признать, что использование титула «каган» в Киевской Руси поначалу вызывает недоумение. «Каган» (хакан) – это высший титул у степных народов, приравняемый к императорскому титулу. Естественно, что существование кагана предполагает и наличие каганата, которым он управлял – в качестве примера можно указать на Аварский, Хазарский и Тюркский каганаты. Однако в древних летописных источниках нет упоминания «русского каганата» – впервые это словосочетание появилось лишь в 1862 году в работе С.А. Гедеонова.

В первой половине XX века популяризатором идеи возникновения каганата на востоке от Балтики стал датский славист А. Стендер-Петерсен. В его работах можно встретить упоминание и Волжского, и Ладожского каганатов, во главе которых стояли скандинавы. Не обошёл эту тему и Г.В. Вернадский, в 40-х годах прошлого столетия попытавшийся реконструировать историю возникновения русского каганата в главе «Первый русский каганат» пятитомного труда «Древняя Русь»:

«Скандинавы, проникшие в Приазовье в середине восьмого века смешались с местными асами [аланами] и русами, и к концу века приобрели достаточную силу, чтобы угрожать Крыму. Мы можем предположить, что к этому времени им удалось создать не только вооруженные силы, но и организованное государство. Их правитель со временем присвоил себе хазарский титул кагана. <...> Мы вполне можем признать, что Русский каганат этого периода являлся сильной державой того же типа, что и государства хазар и волжских булгар, то есть имевший главной целью контроль над важными путями международной торговли».

На чём же основана эта реконструкция? В главе «Скандинавы и Русский каганат (737-839 гг.)» Вернадский пишет:

«Представляется возможным, что в 739 г. или чуть позже варяги достигли берегов Азовского моря. <...> весьма вероятным представляется, что в течение восьмого века отряд скандинавов, а более точно – шведов, установил контроль над районами нижнего Дона и Приазовья. Примечательно, что, согласно "Саге об Инглингах", частично включённой в Heimskringla Снорри Стурлусона (тринадцатый век), эта территория была известна как Великая Швеция (Svitjort en mikia). Отряд шведов, контролировавший местные племена асов и рухс-асов (русь), видимо, не был многочисленным, и постепенно шведы не только смешались со своими вассалами, но и приняли их название и сами стали известны сначала как асы, а затем как русь».

Если учесть, что асы Вернадского это всё те же аланы, тогда придём к уже рассмотренной версии о «роксоланском» происхождении руси. Прискорбно и то, что в качестве единственного доказательства покорения скандинавами Приазовья в VIII веке используется мнение сочинителя древнескандинавских саг.

В нынешние времена идеи Гедеонова и Вернадского подхватил ярый противник скандинавской версии происхождения Руси, автор книги «Славяне» В.В. Седов:

«Поход русов 860 г. на Константинополь мог быть подготовлен только в Русском каганате Днепровско-Донского региона. <...> Территория Русского каганата, по всей вероятности, в общих чертах соответствовала области расселения русов как она очерчивается по данным археологии. На западе она почти целиком охватывала бассейн Десны и сравнительно небольшую часть правобережья Днепра (округи Киева и Канева). Южные пределы раннего государственного образования русов составляли земли верхних течений Сулы, Пела и Ворсклы, на юго-востоке граница проходила по рекам Северский Донец и Тихая Сосна. В состав каганата на востоке входили области воронежского и верхнего течения Дона, а на севере – Верхнее Поочье и правобережные районы рязанского течения Оки. <...>... Если в Русском каганате всё же был административный центр, то им мог быть только Киев».

Здесь снова всё сводится к пресловутой волынцевской археологической культуре. Однако словосочетания «по всей вероятности», «мог быть», «мог быть только» вызывают ещё большее недоумение, чем сам «русский каганат». Причина в том, что доказательств версии Седова нет и не предвидится.

О существовании «русского каганата» в Поднепровье писал и специалист по истории викингов и варягов Г.С. Лебедев в книге «Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси» (2005 г.):

«Во второй трети IX в., между 838-842 гг. (852 г. по ПВЛ) на основе и вокруг этого среднеднепровского образования объединяется "Русская земля", "каганат русов", охвативший основные восточнославянские территории с центром, вероятнее всего, в Киеве (князья которого сохраняли титул "каган" до XII в.). Совпадая с "Русской Землей" в первичном смысле (Среднее Поднепровье – Нижнее Подесенье – Верхнее Побужье), "каганат русов" объединял её с Верхней Русью (на что указывает присутствие в окружении кагана руси шведов)».

Польский историк Генрик Ловмянский, проанализировав сообщение из «Бертинских анналов» так же сделал весьма впечатляющий вывод:

«Употребление титула «хакан» в 839 г. может свидетельствовать об уже развитой государственной организации».

Однако без ответа остаётся вопрос: было ли использование русами титула «каган» вполне обоснованным экономически и политически или всего лишь стало следствием их претензий на всевластие в регионе?

Против версии о существовании «русского каганата» на территории от Левобережья Днепра до бассейна Среднего Дона и Верхней Оки выступила историк Е.С. Галкина в книге «Русский каганат без хазар и норманнов» (2012 г.). Основное возражение состоит в том, что «на территории каганата (если это славяне-волынцевцы), вступившего в борьбу с Хазарией, *отсутствуют* укрепленные поселения, что говорит как раз о *мирной* жизни».

Пожалуй, наиболее логично мнение А.П. Новосельцева – представленное в весьма обтекаемой форме, оно не даёт повода для серьёзных возражений:

«Где-то на западных рубежах Хазарии в 30-х годах оформилось угрожавшее каганату политическое объединение во главе с русами, правитель которого, вступая в борьбу с хазарами, решил принять высший титул в тогдашней Восточной Европе – хакана».

Иную версию предложил в 2000 году французский историк К. Цукерман в статье под названием «Два этапа формирования древнерусского государства». Проанализировав европейские и арабские источники IX-X веков, исследователь пришёл к следующему выводу:

«Относительно географической локализации каганата мы придерживаемся гипотезы, располагающей его на севере, в бассейне Волхова. Сопоставление данных текстов с результатами археологических раскопок приводит к выводу, что каганат исчез в результате межплеменной войны в начале 870-х годов. Приход же Рюрика следует датировать не 862-м, как в ПВЛ, а серединой 890-х годов».

Видимо, Цукерман не читал работ Шахматова, поэтому и настаивает на своей датировке событий, описанных в ПВЛ. А вот что пишет Цукерман в заключение статьи:

«Экспансия скандинавских (русских) поселений на севере современной России, в крайней северной точке торгового пути, контролируемого на юге хазарским каганатом, послужила основой для создания русского каганата. Амбициозный титул, принятый его главой, свидетельствует о глубокой интеграции в Восточной Европе; новая государственная структура появляется незадолго до первого упоминания о ней в конце 830-х годов. Русский каганат контролировал торговлю между Скандинавией и Востоком, и походы на Константинополь и Абаскун свидетельствуют о его военной мощи».

Единственным и притом весьма сомнительным аргументом в пользу расположения русского каганата в бассейне реки Волхов, то есть недалеко от Ладоги, являются слова византийского патриарха Фотия о том, что русы, напавшие на Константинополь в 860 году, пришли якобы с «крайнего севера». Обстоятельства этого нападения будут рассмотрены в одной из следующих глав, но прежде необходимо проанализировать версию, согласно которой русский каганат, или некое подобие такого государства, был создан стараниями скандинавов.

Глава 6. Ладожская версия

В первой половине XVIII века немецким историком, членом Петербургской академии наук Г.З. Байером была предложена норманнская версия возникновения Руси. Позднее эта гипотеза получила развитие в работах Г.Ф. Миллера и А.Л. Шлёцера. В книге Шлёцера «Нестор. Русские летописи на древле-славянском языке» есть такие строки:

«Ни кто, кто только что-нибудь читал о норманнах, не может принять варягов ни за кого более, чем за норманнов».

Норманнскую версию поддержал и В.О. Ключевский в «Курсе русской истории» (глава 9):

«Эти балтийские варяги, как и черноморская Русь, по многим признакам были скандинавы, а не славянские обитатели южно-балтийского побережья или нынешней южной России, как думают некоторые учёные».

По мнению Н.М. Карамзина, историка начала XIX века, славяне были обречены на то, чтобы остаться на задворках просвещённой Европы, если бы варяги не согласились властвовать над ними. Вот что он написал в «Истории государства российского» (том 1) в качестве доказательства норманнской версии:

«Господствуя на морях, имея в IX веке сношение с Югом и Западом Европы... варяги, или норманны, должны были быть образованнее славян и финнов, заключенных в диких пределах Севера».

Присутствие скандинавов в Ладоге подтверждено находками археологов, однако не найдено доказательств реальной экспансии скандинавов в этом регионе. Косвенным подтверждением могут служить лишь названия рек на пути с Балтики в сторону Дона, Волги и Днепра. Как ни старались лингвисты, появление этих гидронимов не удавалось объяснить с помощью древнеславянского языка или местных наречий. Но стоит обратиться к древнескандинавскому языку Old Norse, как появляются вполне приемлемые варианты. В качестве примера можно привести несколько «расшифрованных» названий рек, но здесь следует учесть, что словарь Old Norse далеко не полон, поскольку основан на анализе древнескандинавских саг, так что необходимо сверять результаты идентификации гидронимов с современным шведским языком.

Один из предполагаемых путей «из варяг в греки» начинался в Финском заливе: Нева – Ладожское озеро – Волхов – Ильмень – Ловать – Днепр – Чёрное море. Название первой реки в приведённом перечне образовано из слов «*nyr vegr*» (в Old Norse), аналогом чему в современном шведском языке является «*ny väg*» – эти слова переводятся как «новый путь», а произносятся как «ни ваг» с долгим «а». Со временем появилось слово с более удобным для славян звучанием – «нева».

Река Волхов, вытекающая из озера Ильмень и впадающая в Ладожское озеро, также обязана своим наименованием свеям (шведам). Как выяснили археологи, на берегах этой реки ещё задолго до IX века местные жители сооружали невысокие земляные валы для защиты от нападения скандинавов. Имея в виду эти сооружения, скандинавы и придумали название «*hväll hof*» (в Old Norse; «*vall hov*» в шведском языке), основой которого стало слово «*vall*», которое переводится как «вал». Слово «*hov*» в словаре современного шведского языка переводится как «двор, резиденция». Если допустить, что скандинавы так называли поселение, расположенное за валом, тогда всё сходится.

С помощью шведско-русского словаря можно расшифровать название реки Кострома: слова «*kosa*», «*tro*» и «*man*» образуют словосочетание «путь верного человека». Шведские корни можно найти и в названиях городов. Примером служит слово «*tväg*», одним из значений которого является эпитет «поперечная». Возможно, вначале так была названа река, впадающая в Волгу близ нынешней Твери почти под прямым углом, – ныне она называется Тверца.

Помимо археологических находок в Ладогe и «скандинавских» гидронимов, в качестве доказательства норманнской версии используют и отрывок из «Бертинских анналов», посвящённый событиям 839 года (*Annales Bertiniani*. 1826):

«Прибыли также греческие послы, отправленные императором Феофилом. <...> Он также послал с ними неких [людей], которые говорили, что их, то есть их народ, называют рос [*gens Rhos* – народ рос], что их король, по имени хакан [*chacanus*], послал их к нему [Феофилу], как они заявляли, дружбы ради. <...> Расследуя более тщательно причину их прибытия, император [король франков Людовик Благочестивый] узнал, что они из народа свеонов, и решил, что они являются скорее разведчиками в той стране и в нашей, чем просителями дружбы».

Это сообщение вызывает множество вопросов. Историк А.П. Новосельцев в статье под названием «Образование древнерусского государства и первый его правитель», опубликованной в 1991 году, написал:

«Что послы хакана росов оказались свеонами, то есть скандинавами, вроде бы нет никаких сомнений, ибо набеги скандинавских викингов на владение франков в первой половине IX в. сделали скандинавов хорошо известными в центральной и западной Европе. Следовательно, первое датированное известие о Руси отождествляет её с норманнами. Главное для нас однако не признание этого факта. Гораздо важнее выяснить, откуда прибыли русы-шведы в Ингельгейм и почему они не могли вернуться на родину прежним путем?»

Ещё один «каверзный» вопрос сформулировал В.Я. Петрухин в книге «Начало этнокультурной истории Руси IX-XI веков» (1995 г.):

«Но что тогда заставило выходцев из Швеции называть себя "народом рос" в Ингельгейме в 839 г.?»

Историк тут же сам даёт ответ, но почему-то не на свой вопрос – фактически он лишь озвучил гипотезу, но так и не указал причину, по которой свеи в Византии называли себя «росами». Вот что написал Петрухин:

«Финно-язычные народы называют Швецию *Ruotsi*, *Rootsi*, что закономерно даёт в древнерусском языке русь. Последние историко-этимологические разыскания показали, что эти названия восходят к др.-сканд. словам с основой на *rops-*, типа *ropsmardr*, *ropskarl* со значением "гребец, участник похода на гребных судах". Вероятно, так называли себя "росы" Бертинских анналов и участники походов на Византию».

Любопытно, что в работе 1995 года историк пишет «вероятно, так называли себя», а в «Очерках истории народов России в древности и раннем средневековье», опубликованном в 2004 году, он более категоричен: «очевидно, именно так называли себя». Что же изменилось за десять лет? К сожалению, почти ничего – только прибавилось вопросов. Но прежде, чем сформулировать их, приведём отрывок из комментария историка Г.Г. Литаврина к русскому переводу главы 9 трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей»:

«Слово "русь" рассматривается обычно как этноним и связывается с древнескандинавским корнем *rops-* через финское *Ruotsi*. Эта теория в любой её модификации предполагает несколько этапов развития слова: а) формирование древнескандинавского исходного наименования; б) его распространение в финноязычной среде; в) его последующее заимствование восточными славянами. <...> Все отмеченные гипотезы апеллируют к древнешведским формам, прямое обращение к которым, однако, невозможно, поскольку выделение древнешведского, как и других диалектов, произошло лишь в X-XI вв.»

Иного мнения придерживаются сторонники норманнской версии Е.А. Мельникова и уже упомянутый Петрухин в статье 1989 года «Название "Русь" в этнокультурной истории древнерусского государства (IX – X в.в.)»:

«Наличие корня *ruots-* во всех западнофинских языках свидетельствует о появлении слова в период Языковой общности, распад которой относят ныне к VI-VIII векам. Отсутствие же производных от него, узость семантики и изолированность указывают на то, что корень

этот не является исконно финским. Источником заимствования финского *ruotsi* традиционно считается производное от древне-скандинавского глагола "грести"».

Итак, Мельникова и ряд других историков утверждают, что финское название шведов со временем превратилось в «русь». Такую возможность подтверждают многие лингвисты. Однако вряд ли кто-то удовлетворится объяснением, которое отсылает нас к периоду никем не доказанной «Языковой общности», а в дополнение вынуждены поверить в некую традицию – подобный аргумент ни при каких условиях не может быть использован в научном споре.

Увы, приходится признать, что в распоряжении сторонников норманнской версии нет ни доказательств существования в IX веке слова *Ruotsi* и использования его финнами для обозначения шведов, ни доказательств связи этого термина со словом «гребцы» в древнескандинавском языке.

Во вступлении к книге «Изгнание норманнов из русской истории» (2010 г.) А.Н. Сахаров и В.В. Фомин приводят следующие аргумента против норманнской версии происхождения Руси:

«Некоторые города в Нормандии, подчеркивают зарубежные ученые, "такие, как Quettehou и Houlgate, сохранили названия, которые присвоили им основатели-викинги тысячу лет назад", а "из 126 деревень на о. Льюис – одном из внешних Гебридских островов – 110 имеют либо чисто скандинавское название, либо какое-то его подобие". Восточная Англия, подвергшаяся датской колонизации и где в 886 г. по мирному договору предводителя датчан Гутрума с англосаксонским королем Альфредом Великим был основан Данелаг (по-английски Денло, "область датского права"), до сих пор несёт на себе ярко выраженный скандинавский отпечаток. <...> Ничего подобного русская история не знает».

Следует отметить и то, что топонимы с корнем «рус» довольно часто встречаются на северо-западе Руси. Это Старая Русса, Порусье, Околорусье в южном Приильменье, Руса на Волхове, Русыня на Луге, Руська на Воложке в Приладожье. Однако ничего подобного нет в Поднепровье – то ли скандинавов там не было в IX веке, то ли по какой-то причине они не смогли навязать местному населению свои названия тамошних рек. К этому следует добавить, что археологи так и не смогли найти следов пребывания скандинавов в Киеве и Среднем Поднепровье ранее X века.

Итак, если придерживаться скандинавской версии, без ответа пока остаются следующие вопросы:

1. Откуда послы хакана русов прибыли в Константинополь в 838-839 году?
2. Если послы прибыли с северо-запада, из Ладogi, то почему предводителя русов называли по-восточному – хаканом (каганом)?
3. Если русы в 830-х годах обретались в Ладoge, тогда зачем послов посылать в такую даль – за 2500 км в Византию?
4. Почему послы хакана русов в 839 году побоялись вернуться назад прежним путём, а попросили греческих послов взять их с собой в Ингельхайм, в резиденцию короля франков Людовика Благочестивого?
5. Почему Людовик Благочестивый пришёл к выводу, что прибывшие в Ингельхайм «росы» – это свеоны?
6. Почему скандинавы воспользовались прозвищем «рос» (или «рус»), а не использовали более привычное самоназвание?
7. Почему государство получило название Русь, хотя скандинавы-руссы были в меньшинстве?
8. Если в IX веке славяне называли пришлых скандинавов словом «русь» (от финского *ruotsi*), почему они позже стали называть их свеями, урманами и готами?
9. Почему финны, в отличие от славян, не изменили прежнего названия, которым они обозначали свеев?

10. Почему в Киеве не обнаружено следов пребывания скандинавов в IX вв.?

Впрочем, на некоторые вопросы можно дать более или менее логичные ответы, но вряд ли они будут выглядеть убедительно. Поэтому отложим это занятие до следующих глав, когда появятся новые аргументы. Единственное, что можно сказать уже сейчас – ладожская версия трещит по швам.

Глава 7. Поход на Константинополь в 860 году

Как принято при описании событий IX века, для начала обратимся к «Повести временных лет» (перевод Д.С. Лихачёва):

«В год 6370 (862). <...> И избрались трое братьев со своими родам, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде. <...> И было у него два мужа, не родственники его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город... Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян. Рюрик же княжил в Новгороде. <...>

В год 6374 (866). Пошли Аскольд и Дир войной на греков и пришли к ним в 14-й год царствования Михаила <...> множество христиан убили и осадили Царьград двумястами кораблей. <...> Была в это время тишина и море было спокойно, но тут внезапно поднялась буря с ветром, и снова встали огромные волны, разметало корабли безбожных русских, и прибило их к берегу, и переломало, так что немногим из них удалось избежать этой беды и вернуться домой».

В первой главе было показано, что автор ПВЛ использовал ошибочную датировку событий IX века – из византийских источников известно, что нападение «росов» на Константинополь произошло в 860 году. Сведения об этом нападении содержатся в двух проповедях патриарха Фотия и в его «Окружном послании» восточным митрополитам в 867 году. Вот отрывок из первой гомилии «На нашествие росов»:

«Откуда обрушилась на нас эта страшная гроза гиперборейская? Что за сгустившиеся тучи горестей, каких осуждений суровые скрежетания исторгли на нас эту невыносимую молнию? Откуда низвергся этот нахлынувший сплошной варварский град? <...> Из-за этого шум брани на земле нашей и великое разрушение; из-за этого Господь открыл хранилище Своё и взял сосуды гнева Своего, из-за этого выполз народ с севера, словно устремляясь на другой Иерусалим, и народ поднялся от краев земли, держа лук и копье; он жесток и немилосерд; голос их шумит, как море. Мы услышали весть о них – точнее, увидели воочию скопище их. <...> Этот скифский народ, жестокий и варварский, выползя из самых предвратий города, будто полевой зверь объел окрестности его».

Фотий продолжает рассказ во второй гомилии «На нашествие росов»:

«Ведь вовсе не похоже оно на другие набеги варваров, но неожиданность нападения и невероятность стремительности, бесчеловечность рода варваров, жестокость нравов и дикость помыслов показывает, что удар нанесен с небес, словно гром и молния. <...> Народ незаметный, народ, не бравшийся в расчет, народ, причисляемый к рабам, безвестный – но получивший имя от похода на нас, неприметный – но ставший значительным, низменный и беспомощный – но взошедший на вершину блеска и богатства; народ, поселившийся где-то далеко от нас, варварский, кочующий, имеющий дерзость [в качестве] оружия, беспечный, неуправляемый, без военачальника, такую толпой, столь стремительно нахлынул будто морская волна на наши пределы и будто полевой зверь объел как солому или ниву населяющих эту землю. <...> Всё наполнилось мертвыми телами: в реках течение превратилось в кровь, <...> а горы и холмы, ущелья и пропасти ничуть не отличались от переполненных городских кладбищ».

Здесь стоит обратить внимание на то, что в первой гомилии Фотий задаёт вопрос: «Откуда низвергся этот нахлынувший сплошной варварский град?» А затем вроде бы отвечает на него, сообщая, что народ пришёл с севера, «от краёв земли». Однако во второй гомилии пишет о невероятной стремительности нападения, что ставит под сомнение способность жителей Константинополя, в том числе и Фотия, определить, откуда же совершено это нападение. В случае, если корабли «росов» пришли с севера, они должны были преодолеть 30 км по Бос-

фору, чтобы приблизиться к Константинополю. Трудно поверить, что их никто не заметил – греки вполне могли зажечь сигнальные костры, извещавшие о нападении. В ясные, безветренные дни вертикальные дымовые столбы различимы на расстоянии до 50 км. Если же нападение совершено ночью, тогда невозможно определить, откуда же пришли нападавшие. Косвенное подтверждение этому находим в рассказе о нападении аваров и славян на Византию в 626 году. Вот отрывок из «Пасхальной хроники», написанной в 30-е годы VII в. в Константинополе:

«29 июня 626 г. авангард аварской армии появился у стен Константинополя. 31-го произошли первые стычки, но до 8 июля передовые части врага оставались в удалении от города. Авары с помощью костров-сигналов координировали действия со своими союзниками персами, стоявшими на другом берегу Босфора, у Хрисополя. <...> Через день, то есть 31 числа того же июля месяца, он [хаган аваров] явился, готовый к бою, и вёл его с раннего утра и до 11 часа [у городской стены] от так называемых Полиандрейских ворот до ворот Пемпта и даже дальше. <...> Там он расположил свои огромные полчища, а вдоль остальной части стены, так, чтобы их было видно, выставил славян. Он оставался там, осаждая [стены], от рассвета и до 11 часа. В первой линии [у него были] пешие легковооруженные славяне, а во второй – тяжеловооруженная пехота. <...> Он попробовал спустить на воду моноксилы, которые привёз с собой, но ему не позволили [этого ромейские] военные корабли. В конце концов на третий день осады он подготовил их к спуску у моста св. Каллиника. Он подготовил моноксилы к спуску именно там потому, что места там были мелкие и военные суда не могли туда подойти. Корабли остались в пределах видимости с моноксил, [расположившись] от св. Николая до св. Конона, что на стороне Пиг, и не позволили моноксилам проскользнуть».

Следует обратить внимание не только на использование сигнальных костров, но и на то, что нападение началось с рассветом, а это означает, что аварские войска выдвигались на исходные позиции в сумерки или даже в полной темноте, когда ромеи не имели возможности их заметить. Наверняка такую же тактику избрали и «росы» в 860 году. Необходимо учесть и аргумент в пользу применения моноксил-однодревок – они могли передвигаться по мелководью, оставаясь недостижимыми для греческих военных кораблей.

Сведения об этом походе есть и в «Житии патриарха Игнатия» Никиты Пафлагона:

«В это время запятнанный убийством более, чем кто-либо из скифов, народ, называемый Рос, по Эвксинскому понту прийдя к Стенону и разорив все селения, все монастыри, теперь уже совершал набеги на находящиеся вблизи Византия (т.е. Константинополя) острова, грабя все [драгоценные] сосуды и сокровища, а захватив людей, всех их убивал. Кроме того, в варварском порыве учинив набеги на патриаршие монастыри, они в гневе захватывали всё, что ни находили, и схватив там двадцать два благороднейших жителя, на одной корме корабля всех перерубили секирами».

Но возникает вопрос: насколько хорошо автор этого «Жития» был осведомлён о событиях 860 года? По мнению историка-византиста М.В. Бибикова, изложенному в книге «Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси» (том 1), Пафлагон родился около 885 года, ну а само «Житие» составлено после 906 года. Впрочем, другой историк-византист, А.П. Каждан, полагал, что «Житие» написано в конце IX века. В любом случае автор «Жития» описывал события 860 года с чужих слов, так что к сообщению, будто нападавшие пришли со стороны Чёрного моря, следует отнестись с осторожностью.

В X веке о нападении на Константинополь писал продолжатель Феофана:

«Потом набег росов (это скифское племя, необузданное и жестокое), которые опустошили ромейские земли, сам Понт Евксинский предали огню и оцепили город (Михаил в то время воевал с исмаилитами). Впрочем, насытившись гневом Божиим, они вернулись домой – правивший тогда церковью Фотий молил Бога об этом».

На рубеже X–XI вв. эту тему затронул Иоанн Диакон, автор «Венецианской хроники»:

«В это время народ норманнов (*Normannorum gentes*) на трёхстах шестидесяти кораблях осмелился приблизиться к Константинополю. Но так как они никоим образом не могли нанести ущерб неприступному городу, они дерзко опустошили окрестности, перебив там большое множество народу, и так с триумфом возвратились восвояси».

Здесь обращает на себя внимание то, что Иоанн Диакон однозначно идентифицирует нападавших как норманнов. Объяснение этому утверждению находим в трактате «Антаподосис» (949 г.) Лиутпранда Кремонского (перевод И.В. Дьяконова, 2005-2012 гг.):

«В северных краях есть некий народ, который греки по его внешнему виду называют "русиос", мы же по их месту жительства зовём "норманнами". Ведь на тевтонском языке "норд" означает "север", а "ман" – "человек"; отсюда – "норманны", то есть "северные люди"».

Видимо, Иоанн Диакон был знаком с текстом «Антаподосиса», поэтому и пришёл к выводу, что «росы», о которых писал Фотий, это скандинавы.

Точная дата нападения «росов» указана в документе, содержащем сведения о римских и византийских императорах, а также о событиях тех времён. Эта византийская рукопись была издана в 1894 году в Брюсселе, потому и названа «Брюссельской хроникой». После имени византийского императора Михаила III в ней приведено следующее сообщение:

«Михаил, сын Феофила (правил) со своею матерью Феодорой четыре года и один – десять лет, и с Василием – один год и четыре месяца. В его царствование 18 июня в 8-й индикт, в лето 860, на 5-м году его правления пришли Росы на двухстах кораблях, которые предстательством всеславнейшей Богородицы были повержены христианами, полностью побеждены и уничтожены».

Следует обратить внимание на расхождения в оценках численности нападавших – то ли 200, то 360 кораблей. Конечно, эти оценки приблизительны, однако вряд ли автор Брюссельской хроники мог намеренно завысить численность кораблей почти в два раза.

С заменой «росов» на норманнов в труде Иоанна Диакона всё предельно ясно, а вот появление термина «рос» в гомилиях Фотия ещё нужно объяснить. Но об этом речь пойдёт в главе 11.

Итак, в 860 году жители Константинополя и его окрестностей могли определить нападавших по цвету их лица, как «росов», которые согласно мнению Лиутпранда и сообщению из «Бертинских анналов», были скандинавами. Но можно ли на этом основании утверждать, что они напали с севера? Автор ПВЛ пишет, что варяги Аскольд и Дир пошли войной на греков из Киева, но вот что странно – эти скандинавы четыре года правили в Киеве, наверняка довольно долго готовились к нападению на Константинополь, собирая силы, однако в Киеве и его окрестностях до сих пор не обнаружено следов пребывания скандинавских воинов, которые можно отнести к IX веку.

Именно поэтому сторонники норманнской версии происхождения Руси стали утверждать, что поход на Византию начался не в Киеве, а в Ладоге. Однако возникают серьёзные сомнения в осуществимости такой затеи.

По словам Фотия, нападавшие пришли на морских судах, однако невозможно представить себе, чтобы «росы» за относительно короткий срок смогли доставить большое количество кораблей через многочисленные пороги на Неве, на Волхове и на Днепре. Пришлось бы перетаскивать суда волоком, не только обходя пороги, но и перебираясь из одной реки в бассейн другой, вплоть до Днепра, который и выводил их к Чёрному морю. Сложность пути через Волхов отмечал историк Д.И. Иловайский:

«Между Днепром и Ловатью лежит поперечный бассейн Западной Двины; следовательно, надобно было перейти два волока. Притом гораздо короче был другой путь из Варяг в Греки, по Западной Двине; а Волхов и Нева представляли длинный крюк».

А вот мнение археолога А. Л. Никитина, которое он высказал в книге «Основания русской истории: Мифологемы и факты» (2001 г.):

«При рассмотрении <...> вопроса о пути "из варяг в греки" по Днепру обнаруживается не только полное отсутствие свидетельств, подтверждающих его существование. <...> Не менее существенен и тот факт, что по сравнению с двинским направлением протяжённость маршрута с верховьев Днепра через Новгород и Ладогу увеличивается более чем в пять (!) раз».

Историк В. Я. Петрухин также не видит смысла в использовании этого пути:

«По данным археологии, в IX в. основным международным торговым маршрутом Восточной Европы был путь к Чёрному морю по Дону, а не Днепру. С рубежа VIII и IX вв. и до XI в. по этому пути из стран Арабского халифата в Восточную Европу, Скандинавию и страны Балтики почти непрерывным потоком движутся тысячи серебряных монет – дирхемов. <...> Само месторасположение новгородских поселений не ориентировано на связи с Днепром. За Руссой к югу (на Днепр) нет крупных поселений, зато к юго-востоку (Балтийско-Волжский торговый путь) выросли Новый Торг и Волок Ламский».

Есть и ещё одно возражение против осуществимости похода из Ладоги в Константинополь. Дело в том, что нападение 860 года произошло вскоре после того, как византийские войска и флот отправились на войну с арабами. Аналогичная ситуация была и в 626 году – тогда войска Аварского каганата осадили Константинополь сразу после того, как византийские войска отправились воевать на Кавказ. Но если в этом случае авары, занимавшие земли по Дунаю, могли узнать об уходе византийских войск, то ладожские скандинавы такой возможности не имели – расстояние от Ладоги до Константинополя составляет более двух тысяч километров. А нападать, не зная численности войск врага – это авантюра с минимальной надеждой на успех.

Если корабли «росов» отправились в поход из Ладоги, тогда есть ещё одно важное препятствие. Дело в том реки на северо-западе становятся судоходными не раньше середины апреля, так что вряд ли переход по рекам, через волоки, с учётом остановок для отдыха удастся уложить в два месяца, чтобы успеть к середине июня, когда «росы» напали на Византию, как написано в «Брюссельской хронике».

Есть другой возможный путь с северо-запада в сторону Чёрного моря – крупные суда скандинавов могли прийти прямо с Балтики через Западную Двину. Как-никак эта река расположена южнее Невы и Волхова, однако и на ней есть опасные пороги.

Об этом маршруте рассказывает Т.Н. Джаксон в книге «Исландские королевские саги о Восточной Европе» (1993 г.):

«Скандинавские источники <...> из трёх известных им путей на Русь (через Северную Двину, Финский залив и Западную Двину) подробно описывают именно Западнодвинско-Днепровский путь».

Действительно, этот путь упоминается в «Саге о гутах»:

«В течение долгого времени население Готланда настолько размножилось, что страна не могла всех прокормить. <...> Они не хотели уезжать, но поплыли к Торсборгу и там поселились. Но жители той земли не захотели их терпеть и изгнали их. Тогда они поплыли на остров Форё и поселились там. Но и там они не могли себя прокормить и поплыли на один остров близ Эстланд [Эстония], который называется Дагё, и поселились там. <...> Но и там они не могли себя прокормить и поплыли к реке, которая называется Дюна [Западная двина], а по ней – через Рюцаланд [Русь]. Они плыли так долго, что приплыли в Грекланд [в Грецию]».

Однако, если скандинавы в 860 году шли по Западной Двине, то исходным их пунктом была либо Упсала на восточном побережье нынешней Швеции, либо один из островов в Балтийском море, использованный в качестве промежуточной стоянки. В этом случае скандинавы до Западной Двины должны были идти на больших морских судах. Ну а дальше что? Специально для этого похода строить 200 малых судов-однодревков, приспособленных для плавания по рекам и перетаскивания волоком? В это трудно поверить, к тому же требовалось довольно много времени, чтобы изготовить эти однодревки. Вряд ли 200 штук они привезли из Упсалы.

Но есть ещё одно возражение против обеих версий – и ладожской, и северо-двинской. Вот отрывок из книги «Путь из варяг в греки» (1931 г.) филолога В.А. Брима:

«Участок, проходящий через Финский залив к Неве и через Волхов к великому волоку, ни в одном скандинавском источнике не описан, хотя он имел первостепенное значение в эпоху варяжских движений. <...> Ладожское озеро <...> нигде в скандинавской литературе не упомянуто. <...> Трудный и, вероятно, небезопасный участок пути волоком из Ловати на Двину и из Двины на Днепр нигде в исландских и вообще скандинавских памятниках не упомянут».

Как бы то ни было, скандинавы имели опыт перетаскивания судов волоком. Об этом пишет А.Я. Гуревич в книге «Древние германцы. Викинги (2007 г.):

«Хедебю играл огромную роль в торговле Северной Европы. В первую очередь – из-за своего чрезвычайно удобного месторасположения: город находился в крайней восточной точке пути, связывавшего балтийское побережье Ютландии с западным её побережьем, омываемым Северным морем. Вместо того, чтобы совершать длительное и опасное путешествие через проливы Скаггерак и Каттегат, где торговые суда подстерегал и пираты и где частыми были бури, купцы предпочитали двигаться из Балтийского моря по судоходной Шлей до Хедебю. Оттуда по суше на расстояние примерно 17-18 км они волоком или на повозках продвигались к реке Трене и по ней до вод Северного моря. Этот путь пересекал южную оконечность Ютландского полуострова несколько севернее нынешнего Кильского канала».

Итак, путь от Ладоги или от устья Западной Двины до Чёрного моря был слишком труден даже для бывалых скандинавов, а кроме того, вряд ли им удалось прибыть в Константинополь к середине июня. Ну что ж, допустим, что «росы» отправились в поход из Киева или его окрестностей. Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей» рассказывает о том, как они в X веке добирались из Киева в Константинополь:

«Славяне же, их пактиоты <...> рубят в своих горах моносылы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лёд, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти [водоемы] впадают в реку Днепр, то и они из тамошних [мест] входят в эту самую реку и отправляются в Кию. Их вытаскивают для [оснастки] и продают росам. <...>

И в июне месяце, двигаясь по реке Днепр, они спускаются в Витичеву, которая является крепостью-пактиотом росов, и, собравшись там в течение двух-трех дней, пока соединятся все моносылы, тогда отправляются в путь и спускаются по названной реке Днепр. <...>

После того как пройдено это место [последний из порогов], они достигают острова, называемого Св. Григорий [о. Хортица близ Запорожья]. <...> Затем, продвигаясь таким образом от [этого острова] до четырёх дней, они плывут, пока не достигают залива реки, являющегося устьем, в котором лежит остров Св. Эферий [о. Алсос близ устья Днестра]. Когда они достигают этого острова, то дают там себе отдых до двух-трёх дней. И снова они переоснащают свои моносылы всем тем нужным, чего им недостает: парусами, мачтами, кормилами, которые они доставили [с собой]. <...> Оттуда они отправляются к реке Днестр и, найдя там убежище, вновь там отдыхают. Когда же наступит благоприятная погода, отчалив, они приходят в реку, называемую Аспрос, и, подобным же образом отдохнувши и там, снова отправляются в путь и приходят в <...> рукав реки Дунай. <...> От Дичины [река Камчия] они достигают области Месемврии [где-то недалеко от Константинополя] – тех мест, где завершается их мучительное и страшное, невыносимое и тяжкое плавание».

Здесь следует обратить внимание на слова «невыносимое и тяжкое плавание» – и это в том случае, когда в поход отправляется десяток небольших судов. Если же речь идёт о двухстах судах, то плавание представляется и вовсе невозможным, особенно, если учесть, что нужно уложиться в срок около двух месяцев. Поэтому шведский историк Руне Эдберг предположил, что скандинавы из Ладоги «шли пешком, на лошадях или в санях, пока не достигали водных потоков, где можно было идти под парусом» – там скандинавы якобы обзаводились небольшими судами, на которых продолжали путь. В этом случае можно было выступить в поход ещё

зимой, однако на изготовление двухсот судов потребовалось бы слишком много времени. Так что скандинавы опять не успевали в срок.

Историк-византист IX века В.Г. Васильевский высказал такую версию:

«Скандинавские искатели приключений отправлялись в Константинополь далёким окольным путём через земли Венедов, через Саксонию, Францию, земли Лангобардов, Рим, Апулию».

Такой путь, в принципе, возможен, но для нападения на Константинополь он явно непригоден. Будь мы на месте скандинавов, ни один из рассмотренных вариантов маршрута не мог бы нас устроить, поэтому самое время вернуться к словам патриарха Фотия. Он пишет, что нападали с севера, «оттуда, откуда [мы] отделены столькими землями и племенными владениями, судоходными реками и морями без пристаней». На самом деле, «росы» нападали с моря, и нет никаких гарантий того, что Фотий знал о направлении удара. Грекам было известно, что родина «росов» находится где-то далеко на севере – возможно, греки узнали об этом в 839 году от послов хакана «росов». В 860 году греки идентифицировали их «по внешнему виду», то есть по цвету лица, а Фотий на этом основании сделал вывод, что «росы» пришли с севера. Однако по внешнему виду они не отличались от скандинавов, а может быть, и от других северных народов.

А что если нападение совершили скандинавские викинги, пришедшие на кораблях со стороны Средиземного моря? По внешнему виду они вполне соответствовали русам, да и свидетельства Лиутпранда и ибн Фадлана не противоречат этой версии. Но прежде, чем что-либо утверждать, посмотрим, что писали историки и летописцы о походах середины IX века. Этой теме посвящена книга Г.С. Лебедева «Эпоха викингов в Северной Европе» (2005 г.):

«Эпоха викингов для Западной Европы началась 8 июня 793 г. и закончилась 14 октября 1066 г. Она началась с разбойничьего нападения скандинавских пиратов на монастырь св. Кутберта (о. Линдисфарн) и закончилась битвой при Гастингсе, где потомки викингов, франко-нормандские рыцари разгромили англосаксов. <...> В практике викингов получили распространение два новшества: <...> захват скота и другого продовольствия непосредственно в округе военных действий; и создание промежуточных баз на прибрежных островах, в устье Сены и Луары».

Здесь следует обратить внимание на то, что викинги на пути следования к намеченной цели создавали промежуточные базы, причём есть сведения, что такие базы близ побережья Западной Европы располагались на расстоянии одного дня пути, что вполне логично.

Более подробные сведения приведены в книге Андерса Стрингольма «Походы викингов», написанной в середине IX века:

«В марте 845 года флот из 120 длинных судов вошёл в эту реку, проникнув до Руана. <...> Они опять вышли в море в 849 году. <...> Море кишело кораблями викингов. <...> В их власти находились все реки, большие и малые, по всему берегу от Эльбы до Пиренеев. <...>

В 851 году другое норманнское войско, находившееся во Фландрии, выступило из Гента и потянулось сухим путем к Бове, а оттуда в Руан на берегу Сены. <...> На следующий год в эту реку вошла опять сильная флотилия: войско на ней состояло под начальством Гастинга и Бьерна. Норманны взяли Париж, ограбили его. <...> После этого Гастинг предложил викингам поход в Средиземное море. Предложение было принято. <...>

В 857 году или, по другим источникам, в 859 году Гастинг, с флотом из сотни длинных судов, поплыл к берегам Испании, пристал к Галисии, высадился и грабил... Они продолжили свой путь, делая грабежи на берегах Испании, Португалии, через Гибралтарский пролив, или так называемый в древних сагах Ньорва Зунд, переехали в Африку, взяли приступом город Накхор и перебили множество сарацин. Потом явились на Балеарских и Питиузских островах и грабили на Майорке, Менорке и Форменгерре. <...> Оттуда устремились к берегам Италии. Ветер принёс их в генуэзский залив, в котором они вошли в бухту Специи. Перед ними нахо-

дился город Луна. <...> Сказывают, что они потом посетили Пизу и другие города Италии и доходили даже до Греции».

Как видим, викинги не ограничились набегами на западное побережье Европы, но доходили и до Греции. Судя по всему, эти сведения позаимствованы из «Хроники Альфонсо III»:

«В то время пираты Северяне снова прибыли к нашим берегам. Они разошлись по всей Испании, предавая побережья мечу и огню. Оттуда, пересеча море, они ворвались в город Наакор в Мавритании и убили множество Халдеев. Затем, отправившись к островам Мальорке и Менорке, они опустошили их мечом. Потом они приплыли в Грецию и, наконец, вернулись в свою страну три года спустя».

Мухаммад ибн Абу Бакр аз-Зухри, географ XII века из Гранады, также сообщает о том, что корабли викингов (ал-маджус) доходили до восточного побережья Средиземного моря (Т.М. Калинина, Древняя Русь в свете зарубежных источников. 2001 г.):

«Приходили из этого моря ('Укийанус, т. е. Океана или, по-другому, Окружающего моря – Атлантики) огромные корабли. <...> На них плавали ватаги людей под названием ал-маджус, народ сильный, доблестный и искусный в мореплавании. Когда бы ни появились они, пустело побережье из-за страха перед ними. Набеги их происходили каждые 6 или 7 лет, не меньше чем на 40 кораблях, а иногда и на 100. Они истребляли всех, кто встречался на море, грабили и брали в плен. <...> Они входили <...> в то малое море (ал-бахр ас-сагир – Средиземное) и проходили до окраин Сирии (аш-Шам)».

Арабский учёный X века Ибн ал-Кутиййа описал походы викингов в книге «История завоевания Андалусии»:

«Они отошли от Севильи и направились к Накуру. <...>.. Затем они чинили насилия над всеми обитателями побережья, пока не добрались до страны ар-Рум (Византии или Италии). В том путешествии они достигли Александрии и пребывали в этом [положении] четырнадцать лет».

«Хроникон о свершениях норманнов во Франкии» («Chronicon de gestis normannorum in Francia», перевод А.С. Козлова, 2009) сообщает:

«23. В год Господень 860. Норманны, остановившиеся на реке Сомме, после того как были взяты заложники плывут к англосаксам. Будучи прогнаны ими, они устремляются в другие края. Те же, которые находились на Роне, доходят до самого города Валенсии – с ограблением всего вокруг. После опустошения его они возвращаются на остров, на котором соорудили стоянку. Затем они отправляются в Италию, захватывают и опустошают город Ризу и другие.

24. Норманны предают огню Лютетию паризиев и церковь святого мученика Винцента, а также Сен-Жермен. Они также следуют по пятам за купцами, спасающимися бегством на судах вверх по Сене, и захватывают [их]. Другие же из норманнов, возвращаясь из Англии, нападают на Теронский округ и опустошают [его]. Потом они со своим герцогом Веландом на 200 судах поднимаются по Сене и осаждают крепость на острове, который называется Осселль».

Какие же выводы можно сделать из этих текстов? Викинги собирали для нападения множество больших судов, а затем разделялись на две-три группы для грабежа городов на побережье и в долинах рек. Русы, напавшие на Константинополь в 860 году, также имели большое число судов. Отличие в том, что викинги продвигались по рекам вглубь территории не более чем на 200 км, а русы, если они шли из Киева, предприняли поход длиной более 2000 км. При этом около половины пути они должны были пройти по Днепру, преодолев Днепровские пороги и нижнее Поднепровье, которое контролировали хазары.

Если викинги освоили путь из Скандинавии в Грецию, как пишет Стрингольм, и даже доходили до Сирии, как пишет аз-Зухри, тогда они вполне могли напасть и на Константинополь в 860 году. На этом пути опасности подстерегали только при проходе через Гибралтар и через Дарданеллы, однако блокирование Дарданелл стало возможным только в XV веке, когда

в самом узком месте по обе стороны пролива турки построили крепости Чименлик и Килит-бахир. До той поры через пролив могли прорваться чужие корабли.

Напомню, что 859 году Гастинг отправился к берегам Испании, а в следующем году разграбил Луну. Трудно поверить, что такие грандиозные события случайно совпали по времени. Логично предположить, что из армады норманнов отделилась часть кораблей для нападения на Константинополь. Единственный контраргумент – в древнескандинавских сагах не сообщается о нападении викингов на Византию. Причина может быть в том, что поход был неудачен или среди командиров не было знатного норманна. Вот и Стриннгольм, основываясь на сагах, не может сказать, кто именно доходил до Греции.

Возможен и такой вариант: викингам, напавшим на Константинополь, отрезали путь назад, в Средиземное море (подоспевший греческий флот мог заблокировать Дарданеллы), и они вынуждены были плыть на север и где-то там создать поселение и продолжать грабежи. В этом случае некому было сообщить на родину о походе, чтобы эти сведения могли лечь в основу устных преданий и скандинавских саг. Хотя Фотий и другие хронисты не пишут о том, куда потом отправились нападавшие на Константинополь, эта версия весьма сомнительна.

Есть ещё один источник, анализ содержания которого может прояснить ситуацию с нападением на Константинополь – это рукопись X века под названием «Житие Георгия Амастридского», где есть такие слова:

«Было нашествие варваров, народа "рос", как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия. Зверские нравами, бесчеловечные делами, обнаруживая свою кровожадность уже одним своим видом, ни в чём другом, что свойственно людям, не находя такого удовольствия, как в смертоубийстве, они – этот губительный на деле и по имени народ, – начав разорение от Пропонтиды и посетив прочее побережье, достигли, наконец, и до отечества святого, посекая нещадно всякий пол и всякий возраст, не жалея старцев, не оставляя без внимания младенцев, но противу всех одинаково вооружая смертоубийственную руку и спеша везде пронести гибель, сколько на это у них было силы».

Прежде всего, надо бы выяснить, что такое Пропонтида. Обычно под этим названием понимается Мраморное море, однако вот что написал В.Г. Васильевский в книге «Введение в Житие св. Георгия Амастридского» (1878 г., глава СХХIX):

«Ничто не мешает понимать текст так, что выражение Пропонтида употреблено здесь в более широком смысле, при котором в неё включаются и Босфор с Дарданеллами, или даже в значении нарицательном, соответствующем этимологическому составу слова, в значении "предморья"».

Причина такого понимания и перехода Васильевского к расширенному толкованию такова:

«При том, если держаться буквального смысла выражений агиографа, то и самая Пропонтида была только исходным пунктом <...> для русских враждебных действий, а это представляется довольно странным, когда мы сообразим, что Мраморное море должно было скорее оказаться наиболее отдалённой гранью, последним пределом, за который русские однодревки вообще не заходили».

Понятно, что Васильевский придерживается аксиомы: русские (и никакие другие) однодревки приплыли с севера. Откуда же взялся «широкий смысл»:

«Пропонтида у греков также и пролив Константинопольский. Есть две Пропонтиды, гласит византийская глосса: одна у Абидоса, другая при Иероне и Псаммафеи».

И далее:

«Когда историк Лука говорит <...> о проливе Пропонтиды при священном устье <...>, то он следует именно такому словоупотреблению, разумея под Пропонтидой Босфорский пролив с Иероном».

И вот к какому выводу приходит Васильевский, по-своему интерпретируя содержание «Жития св. Георгия Амастридского»:

«Если слово Пропонтида употреблено в нашем памятнике <...> в таком же смысле, то в нём уже не будет заключаться ни малейшего намёка на прохождение русских судов мимо Золотого Рога, мимо стен столицы, а просто будет идти речь о частном набеге, в котором Русь начала свой грабёж у Босфора <...>, а потом достигла Амастриды».

Здесь следует иметь в виду, что Амастрида находилась на южном берегу Чёрного моря, в трёхстах километрах восточнее Константинополя. По мнению Васильевского, русские суда дошли до входа в Босфор, но затем почему-то двинулись вдоль побережья, на восток. Из этого он делает очень важный вывод:

«Если мы будем понимать русское нашествие на Амастриду как местный и частный набег, то уже не останется ни малейшего основания удивляться, что на такое событие не встречается намёка в беседах Фотия, сказанных по поводу осады столицы Византии».

Вот так допущение широкого толкования и отсутствие чёткой информации в беседах Фотия привело Васильевского к выводу, что нападение на Амастриду никак не связано с нападением на Константинополь в 860 году. Однако византийский богослов не мог, в силу недостатка знаний, представить в своих проповедях полную картину того, что случилось в 860 году. Он посчитал необходимым дать всего лишь религиозно-политическую оценку событий, создав в своей проповеди образ врага, несущего погибель Византии. Тем не менее, Васильевский делает из бесед (проповедей, гомилий) Фотия следующий вывод:

«Если из умолчания и намёков Фотия можно выводить какие-нибудь заключения, то разве только то, что русские ранее произнесения бесед действительно никогда не осаждали самой столицы византийской».

И всё это несмотря на то, что продолжатель Феофана и Иоанн Диакон пишут о нападении на Константинополь, причём в то время, когда Михаил воевал с исмаилитами (об этом написал продолжатель Феофана), то есть в 860 году. Однако для нас куда важнее не выводы Васильевского, основанные на многочисленных «если», а то обстоятельство, что Пропонтида в обычном понимании – это Мраморное море. Тогда следует предположить, что нападение на Константинополь было совершено с юга, со стороны Мраморного моря. Тут самое время ещё раз привести отрывок из «Жития патриарха Игнатия» Никиты Пафлагона:

«В это время запятнанный убийством более, чем кто-либо из скифов, народ, называемый Рос, по Эвксинскому понту прийдя к Стенону и разорив все селения, все монастыри, теперь уж совершал набеги на находящиеся вблизи Византии острова, грабя все (драгоценные) сосуды и сокровища, а захватив людей, всех их убивал».

Нетрудно убедиться, что у южного побережья Чёрного моря нет никаких островов, а вот в Мраморном море, к юго-востоку от Константинополя есть несколько небольших островов, которые и могли стать объектом нападения, но только в 860 году, поскольку в 941 году русские корабли князя Игоря не смогли преодолеть Босфор. Это обстоятельству ставит крест на выводах Васильевского. Впрочем, есть слабая надежда, что в «Житии св. Георгия Амастридского» описано нападение, случившееся ранее 860 года. Увы, ни один другой источник не сообщил о таком грандиозном нападении, когда вражеские корабли прошли через Босфор, побывали в Мраморном море, чтобы под конец разграбить Амастриду.

И всё же, откуда было совершено нападение? Фотий пишет о русах, как о северном народе. Пафлагон утверждает, что нападавшие пришли со стороны Чёрного моря. А в «Житии Георгия Амастридского» сказано, что разграбление началось с Пропонтиды. Какой же вывод можно сделать?

Если под Пропонтидой понимать Босфор, то можно предположить, что русы сначала разграбили берега пролива, затем острова в Мраморном море, а затем, нагрузив однодревки богатой добычей, вернулись в Чёрное море, но направились почему-то не домой, а за 500 км на

восток, чтобы разграбить Амастриду. Но в это слабо верится, поскольку логичнее было бы сразу напасть на Амастриду.

Такой вираж можно признать вполне логичным, если только русы пришли из северного Причерноморья или из Приазовья – тогда им всё равно пришлось бы возвращаться вдоль восточного побережья Чёрного моря, проходя мимо Амастриды. Но есть и другая версия. Викинги пришли с юга на больших кораблях, последовательно разграбили острова в Мраморном море (в Пропонтиде), побережье Босфора и Амастриду в южном Причерноморье, а затем вернулись в Средиземное море.

Однако как опровергнуть Фотия и Пафлагона? Для этого следует обратить внимание на расхождение в оценках численности кораблей, принимавших участие в нападении на Константинополь. Можно предположить, что автор «Брюссельской хроники» пользовался источником, в котором сообщалось, что 200 кораблей викингов вошли в Средиземное море и направились в сторону Греции, либо же – 200 кораблей викингов вошли в Мраморное море. Автор этой хроники, как и Лиутпранд, был уверен, что викинги это те же росы, поэтому и сделал соответствующий вывод. В то же время, Иоанн Диякон мог иметь в своём распоряжении более полную информацию, в которой говорилось о 360-ти кораблях, напавших на Константинополь.

Откуда же взялась разница в 160 кораблей? А что если викинги, дойдя до Мраморного моря и произведя разведку, убедились, что взять Константинополь им не под силу? Как известно, для нападения на Париж викингам потребовались много кораблей и воинов, а Константинополь был укреплен гораздо лучше, несмотря на то, что основная часть армии отправилась воевать с арабами. Следует учесть и то, что флот викингов наверняка сократился после нападения на города Андалусии.

Решение этой загадки можно найти, если предположить, что в северном Причерноморье или в Приазовье располагалось поселение скандинавов. Это вполне соответствует тактике скандинавов-викингов устраивать промежуточные базы на своём пути, а для тех скандинавов, которые освоили путь «из варяг в греки», такие базы-поселения требовались, чтобы после трудного пути дать отдых воинам, сопровождавшим торговые суда. Такое поселение могло существовать и близ волго-донского волока на пути в столицу Хазарии и далее в Багдад.

Если этот так и о существовании такого поселения было известно в тех скандинавских землях, откуда викинги приплыли в Средиземноморье, они могли послать корабль к своим соплеменникам через Босфор в Чёрное море с предложением присоединиться к нападению на Константинополь. Скорее всего, потребовалось время на подготовку судов, однако из «Хроники Альфонсо III» известно, что поход викингов продолжался три года, так что они могли и подождать – возможно, направились в Сирию, как пишет Аз-Зухри. Когда флотилия кораблей скандинавов, двигавшихся с севера, была на подходе к Босфору, они выслали в условленное место корабль с гонцом, который сообщил викингам о готовности к нападению. В итоге на Константинополь напали 200 кораблей викингов со стороны Мраморного моря (они-то и грабили прибрежные острова, как писал Пафлагон), а 160 кораблей русов вошли после этого в Босфор. Если бы викинги не отвлекли внимание греков с юга, флотилия русов была бы разгромлена в проливе ещё на подходе к Константинополю.

Эту версию предложил Н.Т. Беляев в книге «Рорик Ютландский и Рюрик Начальной летописи», 1929 г., Лондон). Упомянув битву при Бравалле, рассказав о вероятном участии в ней Бравлина, известного по «Житию св. Стефана Сурожского», Беляев сообщил, что в 845 году Рорик Ютландский (по его мнению, летописный Рюрик) вошёл в Эльбу на 600 судах, а в 850 году напал на Англию, имея 350 судов. Увы, сообщения о Рорике ничем не подтверждены, но вот к какому выводу пришёл Беляев:

«Часть кораблей Бьорна в 860 г. добралась до Греции. Совпадение невозможно – нападение на Константинополь было с двух сторон. Рорик использовал родственные связи с Бьор-

ном и направил его на Константинополь с юга, а Аскольда по освоенного Бравлином Днепру – с севера».

Родственные связи с Бьорном – это снова из области догадок. К сожалению, Беляев не смог предложить аргументов в пользу этой версии, кроме соображения о тактической выгоде от нападения на Константинополь одновременно с севера и юга. В предложенной вашему вниманию книге приведено гораздо больше аргументов, однако и этого недостаточно, чтобы утверждать, будто скандинавы напали на столицу Византии с двух сторон. Вот если бы в Приазовье удалось обнаружить следы поселения скандинавов, тогда можно было бы говорить о вполне обоснованной гипотезе.

Впрочем, С.В. Цветков, автор книги «Поход Русов на Константинополь в 860 году и начало Руси» (2010 г.), настаивал на присутствии русов в Приазовье и на их сговоре с арабами:

«Мы можем реконструировать события 860 года следующим образом: русы ожидали известия от арабов, находясь в дельте Кубани, сосредоточив там собранный со всей территории Русского каганата флот и войска и, получив известие от них, в первых числах июля направились к Константинополю в количестве не менее 8 000 воинов (ладья несла не менее 40 человек). Необходимо отметить, что вряд ли такими малыми силами они рискнули напасть на столицу могущественной империи, не будучи уверенными, что в ней нет войск. Кораблей византийцев там тоже тогда не было – это лишнее подтверждение, что войска императора, скорее всего, переправлялись морем до устья Галиса, а потом, вниз по реке до его притока пресловутого Мавропотама. Так что императорский флот тоже не являлся помехой для нападения».

Отсутствие доказательств не позволяет всерьёз отнестись к столь категоричным утверждениям. Всё, что нам остаётся, это продолжить поиски в надежде создать более или менее обоснованную версию событий, рассмотренных в этой главе. Однако какой же предварительный вывод можно сделать?

Если на Константинополь напали скандинавы, они должны были прийти с юга, поскольку в Киеве скандинавов не было, а на дорогу из Ладоги ушло бы слишком много времени. К тому же доставить из Приильменя 200 или 360 судов – это задача явно непосильная. Поддержку могли оказать скандинавы из Приазовья, но только при условии, что там было их поселение. Если же напали не скандинавы, тогда, скорее всего, нападавшие пришли из Поднепровья. Под покровом ночи часть судов миновала Босфор, а с рассветом началась атака и на Константинополь, и на острова в Мраморном море.

Глава 8. Приазовская версия

В этой главе попробуем найти дополнительное подтверждение выводов Шахматова, утверждавшего, что термин «русь» возник на юге и только гораздо позже распространился на северо-запад, в Приильмень. Археологические находки свидетельствуют о том, что в середине IX века в Ладоге была лишь небольшая фактория скандинавов (об этом пишет и Шахматов). Могло ли возникнуть крупное поселение скандинавов в Среднем Поднепровье? Увы, археологи опровергают эту версию – в Киеве и ближайших территориях не обнаружено следов присутствия скандинавов ранее X века. Логично предположить существование поселения скандинавов в Приазовье, даже несмотря на то, что следы такого поселения до сих пор не найдены. Чем же привлекательна такая версия?

Во-первых, близость к греческим колониям в Крыму позволяет предположить, что прозвище «росы» («русы») приазовским скандинавам дали крымские греки из Пантикопеи (Керчь), а позже весть о русах дошла до Константинополя. Во-вторых, от Приазовья до столицы Византии гораздо ближе, чем от Киева или от Ладоги, а переход через Чёрное море для опытных мореходов не является большой проблемой. Кроме того, от Приазовья было недалеко до земель Закавказья и побережья Каспия, принадлежавших Аббасидскому халифату, так что о том, что византийские войска вскоре уйдут на войну с арабами, скандинавы в 860 году могли узнать как от греков, так и от арабов. Ещё одним аргументом в пользу этой версии является использование русами титула «хакан». Если на северо-западе появление восточного титула ничем не обосновано, то в Приазовье, поблизости от основной территории Хазарского каганата, вполне могло существовать некое подобие «русского каганата», возможно, на первых порах находившегося в вассальной зависимости от хазарских властей.

Приазовская версия позволяет объяснить, почему нападение на Константинополь в 860 году византийцы однозначно связали с русами. Крымские греки наверняка сообщили в Константинополь (возможно, с опозданием) о флотилии русов, двигавшейся из Азовского моря мимо Пантикопеи (Керчи) в Чёрное море. Поэтому византийцы пришли к выводу, что напали на них именно русы («росы»).

Как же могло возникнуть поселение скандинавов вдали от Балтийского моря? Если цель скандинавов состояла в контроле над торговыми путями, ведущими на юго-восток, вполне логично, что они создали поселения не только в Ладоге, но и вдоль «пути из варяг в греки» – на Клязьме, в верхнем течении Волги, на Оке и на Дону. Скорее всего, такое же поселение возникло и в восточном Приазовье, как промежуточная база на пути скандинавов в Византию. Об этом скандинавские купцы могли договориться с властями Хазарского каганата ещё задолго до 839 года. Дабы упрочить своё положение в Приазовье, скандинавы могли объединиться с местными племенами, например, с аланами. Поскольку каждое племя имело своего вождя, вполне логичным решением стало бы использование принятого на востоке титула «хакан», который обозначал «царя царей», «вождя вождей».

Такая версия может объяснить и появление в 838 году послов хакана русов в Византии – русы хотели заручиться поддержкой Византии против хазарских властей, которые имели намерение подчинить себе все соседние племена и явно были не в восторге от желания русов добиться независимости. Поэтому на случай возможного конфликта построили в 827-834 годах крепость Саркел недалеко от волго-донской перемычки, чтобы защитить с запада свою столицу.

Хазарские власти сделали своими вассалами и венгров (угров), которые в VIII веке обосновались на севере Приазовья и в донских степях. Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей» писал:

«Хаган, архонт Хазарии, сообщил туркам [уграм, венграм], чтобы они послали к нему Леведию, первого своего воеводу. Посему Леведия, явившись к хагану Хазарии, спросил о причине, ради которой хаган отправил посольство, [требующее], чтобы Леведия пришел к нему. Хаган сказал ему: "Мы позвали тебя ради того, чтобы избрать тебя, поскольку ты благороден, разумен, известен мужеством и первый среди турок, архонтом твоего народа и чтобы ты повиновался слову и велению нашему"».

Леведий отказался от этого титула, и он был отдан другому человеку, кандидатуру которого выдвинули венгры. Титул своего правителя (архонта по-гречески) венгры выбрали сами – «кенде» («кюндю»). Так что существование хакана приазовского объединения во главе со скандинавами-русами не противоречит фактам. Согласно «Хронике» Регино Прюмского, в конце IX века венгры были вытеснены печенегами из Северного Приазовья и перебрались в Паннонию, в Закарпатье. Нечто подобное могло произойти и с «каганатом русов» в Приазовье.

Но возникает вопрос: зачем послы хакана русов отправились вместе с греками в Ингельхайм, сославшись на то, что обратный путь небезопасен. Возможно, скандинавам понадобилось вернуться на родину, причём они решили совместить это путешествие с разведывательной миссией, что соответствует подозрениям короля франков, упомянутым в «Бертинских анналах».

Версию о существовании Приазовской Руси русские историки выдвинули ещё в XIX веке. С.А. Гедеев приписывал эти русам нападения на Амастриду и Сурож, и также полагал, что именно они были виновниками нападения на Константинополь в 860 году. Е.Е. Голубинский считал Тмутаракань на Таманском полуострове в юго-восточной части Приазовья «воровским притоном», основанным для грабежа соседних земель. Однако эта территория в археологическом отношении ещё слабо изучена, поэтому рано делать окончательные выводы. Д.И. Иловайский утверждал, что слова патриарха Фотия о крещении Руси относятся к Приазовской Руси, но эта версия не получила поддержки большинства историков.

И всё же попробуем представить себе, как могли развиваться события в рамках «приазовской версии» после нападения русов на Константинополь в 860 году. Логично предположить, что разгневанные византийцы договорились с хазарами, и те, с помощью своих вассалов венгров, вытеснили русов из Приазовья. Нужно было искать новую территорию на морском побережье или в долине реки, которая впадала в Чёрное море – только такое местоположение давало возможность подготовки новых нападений на Константинополь и другие города Причерноморья. Но путь на Дон был закрыт всё теми же венграми, и тогда русы отправились на Днепр, укрывшись от хазар и венгров за днепровскими порогами.

Случилось это через год-два после нападения на Константинополь, что соответствует появлению в Киеве Аскольда и Дира, согласно ПВЛ. Однако рассказ об этом событии не вызывает доверия:

«В год 6370 (862) <...> И было у него [Рюрика] два мужа, не родственники его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город».

В следующей главе мы убедимся, что Новгородская первая летопись иначе описывает эти события.

Версия о приазовских русах позволяет объяснить неточность датировки некоторых событий в ПВЛ. Прибытие Аскольда и Дира со своим войском в Киев в 862 году не устраивало Нестора, поскольку он хотел приписать организацию нападения на Константинополь киевскому князю, а не каким-то воинам, пришедшим неизвестно откуда. Поэтому он и перенёс это событие на 866 год, оставив 863-865 годы в ПВЛ «пустыми» – якобы русам понадобилось время для подготовки к нападению.

Однако если скандинавы-русы перебрались из Приазовья в Поднепровье, мы снова наталкиваемся на несоответствие – ведь в районе Киева не обнаружено свидетельств пребывания

скандинавов. Впрочем, этому есть объяснение – за время жизни в Приазовье скандинавы могли частично утратить свои традиции, используя другое оружие и предметы быта, скажем, заимствованные у алан. По этой же причине мог измениться и обряд захоронения.

Приазовская версия объясняет ещё одно странное событие, описанное в ПВЛ:

«В год 6390 (882). Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, словен, мерю, весь, кривичей, и пришел к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и посадил в нём своего мужа. <...> И пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир. <...> И убили Аскольда и Дира, отнесли на гору и погребли Аскольда на горе, которая называется ныне Угорской».

Если бояре Аскольд и Дир пришли в Приильменье вместе с Рюриком, тогда Олег должен был об этом знать. А если не знал, возникает подозрение, что Аскольд и Дир были чужаками и для Олега, и для Рюрика. Вполне логично, что Олег чужаков убил, захватив власть в Киеве. Такое объяснение не только не противоречит приазовской версии, но может стать одним из доказательств.

Реально киевское поселение появилось только в X веке, когда русы научились ездить на лошадях и обрели достаточную силу, чтобы противостоять южным кочевникам – к этому времени приазовские скандинавы-русы могли объединиться с ладожскими скандинавами для захвата новых земель и противостояния хазарам. Все вместе они стали называться русами, правил ими по-прежнему каган, а название «русы» (русь) распространилось на все покорённые народы. В Киев пришли также и воины из Скандинавии – позже они получили прозвище «варяги», причём опять от греков, которые называли этих наёмников Βάρσγγοι, чтобы отличить от русов. Вот так примерно могли происходить дальнейшие события.

Есть ещё одна загадка, которую не удаётся разгадать в рамках ладожской версии. Зачем русам понадобилось в 867 году обращаться к византийцам с просьбой о принятии христианства? Вот отрывок из «Окружного послания» патриарха Фотия:

«Ибо не только этот народ переменял прежнее нечестие на веру во Христа, но и даже для многих многократно знаменитый и всех оставляющий позади в свирепости и кровопролитии, тот самый так называемый народ Рос – те, кто, поработив живших окрест них и оттого чрезмерно возгордившись, подняли руки на саму Ромейскую державу! Но ныне, однако, и они переменяли языческую и безбожную веру, в которой пребывали прежде, на чистую и неподдельную религию христиан, сами себя с любовью! Поставив в положение подданных и гостеприимцев вместо недавнего против нас грабежа и великого дерзновения».

Всё это довольно странно, поскольку крещение Руси произошло гораздо позже, но в рамках приазовской версии можно объяснить и эту странность. Возможно, пришедшие в Поднепровье приазовские скандинавы-русы (те же Аскольд и Дир) опасались, что ладожские скандинавы отберут у них власть, и рассчитывали на помощь греков после принятия христианства. Видимо, покаяться и надеялись на то, что их простят.

В «Окружном послании» Фотия есть и другие непонятные слова:

«Так называемый народ Рос – те, кто, поработив живших окрест них и оттого чрезмерно возгордившись, подняли руки на саму Ромейскую державу».

К тому времени Олег еще не начал свои завоевания, а люди Рюрика владели только несколькими поселениями на северо-западе – вроде бы нечем тут гордиться. Нет никаких свидетельств и того, что русы в 860 году наступали по суше и захватили окрестности Константинополя, поработив тамошнее население. Что же дало Фотию повод для таких высказываний? Неужели господство русов в Приазовье и в северо-восточном Причерноморье?

Основное возражение противников предложенной здесь версии сводится к отсутствию материальных свидетельств пребывания скандинавов в Приазовье. Прежде чем делать выводы, припомним, что скандинавы появились в Ладоге не позже VIII века. Их цель – освоение торгового пути из Балтики в Волжскую Булгарию, в Хазарию и возможно в Византию. Ладога была

их промежуточной базой, и такую же базу логично было создать на юго-востоке, например, в Приазовье – возможно, это произошло ещё в VIII веке. Оказавшись за 2000 км от родины, скандинавы довольно быстро утратили свои обычаи, женившись на туземках, использовали утварь, купленную на хазарском базаре, так что вряд ли археологи смогут обнаружить там что-то исконно скандинавское. К тому же интенсивные раскопки проводились в Подонье, в Крыму и кое-где на Таманском полуострове, а восточной части Приазовья до последнего времени не уделялось должного внимания, за исключением раскопок недалеко от Ейска.

Как известно, первые сведения о Тмутараканском княжестве относятся к XI веку, однако сторонники возникновения поселения русов в Приазовье ссылаются на «Книгу драгоценных сокровищ» Ибн Русте, написанную в первой половине X века:

«Что касается до Руси, то находится она на острове, окруженном озером. Остров этот, на котором живут они, занимает пространство трёх дней пути: покрыт он лесами и болотами; нездоров и сыр до того, что стоит наступить ногою на землю, и она уже трясется по причине обилия в ней воды. Они имеют царя, который зовется хакан-Рус. Они производят набеги на Славян, подъезжают к ним на кораблях, высаются, забирают их (Славян) в плен, отвозят в Хазран и Булгар и продают там. Пашен они не имеют, а питаются лишь тем, что привозят из земли Славян».

Некоторые историки считают, что местом обитания русов была дельта Кубани – якобы эту территорию можно было принять за остров. Подробнее варианты расположения этого острова будут рассмотрены в десятой главе. Что же касается Тмутаракани, нет никаких сведений о том, кому она принадлежала в IX-X вв. Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей», написанном в первой половине X века, так описывает территорию к югу от Азовского моря:

«Из Меотидского озера [Азовское море] выходит пролив по названию Вурлик и течет к морю Понт [Чёрное море]; на проливе стоит Боспор, а против Боспора находится так называемая крепость Таматарха [Тмутаракань]».

Так что прав был историк Г.Г. Литаврин, когда писал, что «вопрос о времени появления древнерусского населения в Крыму и в Тмутаракани остаётся дискуссионным».

Относительно того, какие племена могли входить в «русский каганат» в том случае, если он располагался в Приазовье, есть разные мнения. Е.Е. Голубинский считал возможным, что на Тамани «варяго-русы» слились в один народ с родственными им христианами-готами. Об этом он написал в «Истории Русской Церкви» (том 1, часть 1):

«Таким образом, Варяго-Руссы должны были найти на Черном море своих родичей не только в Крыму, но и в Тамани. Как поселились они с одними, так естественно было им поселиться и с другими. Принимая это, мы получим совершенно ясный, как мы говорили, ответ на тот крайне загадочный вопрос: для какой цели и для какой нужды наши киевские Русские завели себе ничтожную колонию на Таманском полуострове. Весьма простой ответ будет тот, что они взяли в свою власть, собственно совершенно ненужную им, Тамань (для набегов по Каспийскому морю она несколько не служила бы) потому, что она была населена их родичами».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.